

Шалум Шалумов

**ЛЕГЕНДАРНЫЙ
МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ
СИБИРИ (СИБИРСКИЙ)
1860-1925**

**ПРАВДОЛЮБЕЦ, БУНТАРЬ-ОДИНОЧКА,
НАРОДНЫЙ ЗАСТУПНИК,
ПОЭТ-КЛАССИК ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ**

Шалум ШАЛУМОВ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ
МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ
СИБИРИ(СИБИРСКИЙ)
1860-1925

ПРАВДОЛЮБЕЦ, БУНТАРЬ-ОДИНОЧКА,
НАРОДНЫЙ ЗАСТУПНИК,
ПОЭТ-КЛАССИК ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

СТИХИ, ПЕСНИ, ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

ИЗРАИЛЬ - 2009

Уважаемые читатели!

Буду рад услышать ваши отзывы об этой книге.

Мой телефон: 054-7516422

Шалумов Шалум

Шалумов Ш.А

Легендарный Мардахай Овшолум Сибири(Сибирский) 1860-1925: стихи, песни, хвалы, эпитафии / Шалум Шалумов; [дизайн Э.Алиев, худ. Ш.Шалумов]
- Израиль: издательский дом «Мирвори», 2009, - 210 стр.: ил.

ISBN 978-965-7448-03-8

Книга Шалума Шалумова рассказывает о жизни и творчестве легендарного Мардахая Овшолума Сибири. Существенное отличие данного повествования от всего, написанного о личности поэта-бунтаря ранее, заключается в том, что автор – племянник поэта (сын его родного брата - Овшолума), а, следовательно, информацию о нём получил из «первых уст». Читатель сможет познакомиться также со стихами Мардахая Овшолума на горско-еврейском языке и с их переводами на русский язык, выполненными автором данной книги.

ISBN 978-965-7448-03-8

© Издательский дом «Мирвори», 2009

© Шалумов Ш. А., 2009

ЭТА КНИГА-АЛЬБОМ ПОВЕСТВУЕТ О ВЫДАЮЩЕЙСЯ
ЛИЧНОСТИ, ЛЕГЕНДАРНОМ ГЕРОЕ, БУНТАРЕ-ОДИНОЧКЕ,
ПРАВДОЛЮБЦЕ, НАРОДНОМ ЗАСТУПНИКЕ, ПОЭТЕ-КЛАССИКЕ
ГОРСКО-ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МАРДАХАЕ ОВШОЛУМЕ СИБИРИ (СИБИРСКОМ)

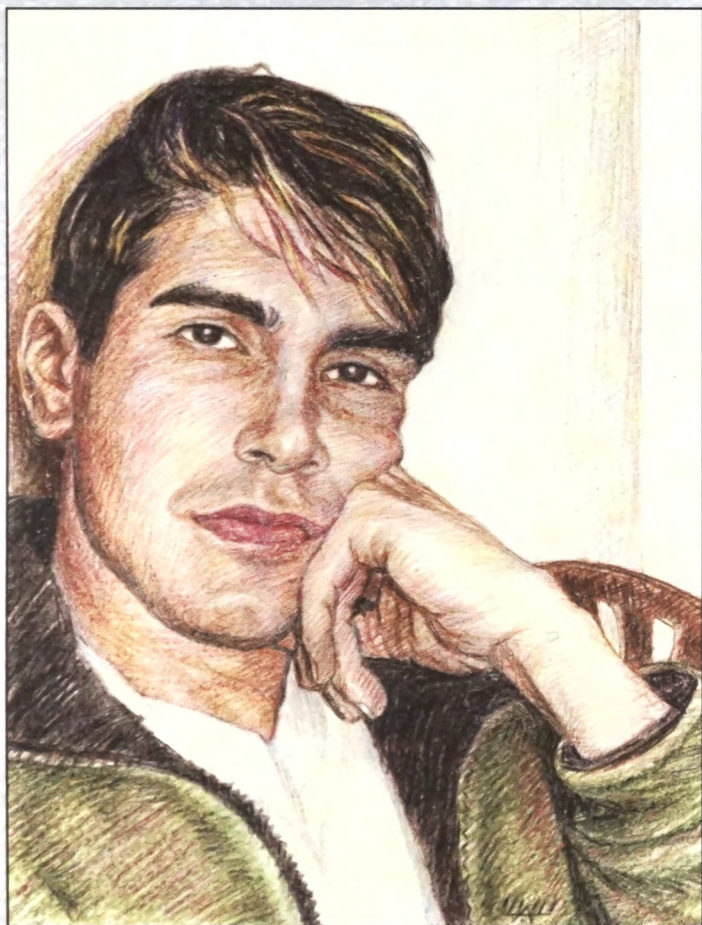
НА ПАМЯТЬ И С ДОБРЫМИ ПОЖЕЛАНИЯМИ
ОТ СОСТАВИТЕЛЯ И ХУДОЖНИКА ЭТОЙ КНИГИ
ШАЛУМОВА ШАЛУМА АВШАЛУМОВИЧА.

18 МАРТА 2009 ГОДА

*Посвящается моему
сыну Антону Шалумову,
трагически погибшему
18 марта 2006 года.*

Эту книгу-альбом посвящаю тебе,
Мой сыночек Антон.
Утонул я в беде.

Ты как будто бы только что вышел из дома
Нет на свете чудес.
Не вернёшься ты снова.

Вдруг представлю, что больше тебя не увижу,
Мозг взорвется мгновенно -
Я гложу, я слепну.

Не дану́стем глаи́ль ме гъзду́р ту́ре ме
Ты тепе́рь для меня
Память, боль и вина.

ШАЛУМОВ
Антон

29.01.81
18.03.06

מרדכי אפשטין

משורר, מנן יהודים פווקים

Бесдеюм э торе гъэземет;
Э гъэриш дубл пури ниет;
Воисдени зенум гъэнет
Э азади эки дусдгъо....

1860
1925

... Мердэхаям, гуфдирэнум,
Эришму шолум фуьрсорэнум,
Согъишмуре ме хосденум,
Ёгъин миём ме экишму!

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В 1995 году в Москве вышла книга стихов и песен Мардахая Овшолума Сибири. С её автором-составителем Амалданом Кукуллу (Амалом Даниловичем Кукулиевым) я познакомился в один из солнечных осенних дней 1987 года у магазина «Академкнига» на ул. Горького в Москве.

Расспросили друг друга: откуда, что и как, а затем Амалдан начал рассказывать мне о своих делах и в частности о том, какую он проделал многолетнюю работу, чтобы подготовить к изданию книгу о героических деяниях и творчестве известного богатыря, правдолюбца, народного заступника, одного из родоначальников поэзии горских евреев – легендарном Мардахе Овшолуме Сибири.

Амалдан вдохновенно рассказывал мне о том, что поскольку стихи и песни Мардахая в подлиннике не сохранились, он в 1965 году в Дербенте записывал их со слов людей, ещё помнивших героя-поэта или слышавших о нём от своих родителей или знакомых. Записывал он и рассказы о жизни, личности и деяниях Мардахая. Рассказал, что побывал у дочери Мардахая – Зулпо, а также в мастерской его брата – жестянщика Овшолума и записал их воспоминания.

Амалдан говорил очень прочувствованно, тут же декламировал мне по памяти стихи Мардахая иногда даже со слезами на глазах и вдруг спросил, а слышал ли я что-нибудь раньше об этой удивительной личности?

- Не только слышал, - ответил я, - но и много о нём знаю, поскольку Мардахай Овшолум – мой родной дядя.

Видя удивление и недоумение Амалдана, я уточнил, что тот самый жестянщик Овшолум, у которого он побывал в мастерской, - мой отец. Радости Амалдана не было предела: наконец-то нашёлся по-настоящему заинтересованный человек и благодарный слушатель. С необыкновенным жаром он продолжил свой интересный рассказ, и я был потрясён огромной, подвижнической, бескорыстной работой, проделанной им ради любви и уважения к памяти Мардахая. Потрясало и то, что всю эту работу Амалдан, живший в большой нужде, делал за счёт своего времени и на свои средства.

В дальнейшем Амалдан познакомил меня с переводами стихов Мардахая Овшолума на русский язык, сделанными поэтом Анатолием Сениным. Но, даже будучи очарованным вдохновением Амалдана и под впечатлением новизны происходящего, я уже тогда, особо не вчитываясь в переводы, высказал ему свои сомнения по поводу их качества.

Безусловно, нам сегодня очень трудно судить, какими на самом деле были стихи и песни Мардахая Овшолума. Ведь ни одного подлинника не

сохранилось, поэтому нельзя с абсолютной точностью утверждать даже то, каким образом они были записаны. Если он сочинял их на джууьри, то каким алфавитом записывал? А возможно, Мардахай вообще писал свои стихи на тюркско-азербайджанском языке (кстати, сильно отличающемся от современного азербайджанского), которым пользовались тогда многие северокавказские народности как языком межнационального общения.

А сегодня эти стихи собраны и записаны разными людьми, поэтами разного уровня и стиля. Каждый записывал их в соответствии со своим восприятием, да ещё и с устной подачи опять таки очень разных рассказчиков. Нет сомнений, что дошедшие до нас стихи, в сравнении с оригиналом, претерпели серьёзные изменения. И всё же они не безлики. Несмотря ни на что, все записанные по памяти стихи имеют определённый единый почерк, отличаются своей адресностью и, как в истинных поэтических произведениях, в них присутствует личность автора – поэта Мардахая Овшолума Сибири.

Думается, что примером довольно точной записи стихов Мардахая являются пять произведений, включённых в книгу «Шогьиргьой тати», изданную в 1947 году Даниилом Атниловым: «Э гъземет» - «В каземате», «Э пушой диву» - «Перед судом», «Согъбоши гуфдиреи» - «Благословите меня», «Когъоз эз Сибирь» - «Письмо из Сибири», «Эз товней Дербенд» - «О Дербенте».

Также хочу отметить ряд подстрочников: «Письмо из царской армии домой», «Письмо на свадьбу сестре», «Уходя, просил благословения», записанных по памяти независимо друг от друга, двумя горско-еврейскими поэтами Б.Г. Гавриловым и С.Д. Юсуфовым – первый на русском, а второй на тюркско-азербайджанском языке. При сложении записей обоих поэтов видна очень большая их схожесть, до одинаковости, что даёт возможность предположить их близость к оригиналу.

Я как человек, наиболее близкий к первоисточнику из ныне живущих людей, взялся за перо, чтобы донести до читателя сохранённые мной максимально достоверные, точные и ясные сведения об этом уникальном человеке.

Но сначала давайте порассуждаем. В культуре каждого народа существует множество произведений, у которых когда-то были авторы, но их имён история не сохранила, а произведения живут сами по себе и считаются народными. Почему же в данной ситуации произошло не так? Почему приведённые в этой книге произведения сохранились и считаются принадлежащими именно Мардахая Овшолуму? Да потому, что стихи Мардахая узнаваемы не только личностным присутствием в них самого автора. Главное в том, что суть его произведений в их ярко выраженном социальном

протесте против существующего строя, чего ни у одного из наших литераторов ни в прошлом, ни в настоящем я лично никогда не наблюдал.

Эти стихи записаны по памяти известными нашими писателями – современниками Мардахая и с уст почитавших его память простых жителей города. В достоверности таких источников сомневаться не приходится. Но конечно, если бы творчество и сама личность поэта-бунтаря не были бы столь значимыми, невозможно было бы удержать его произведения в памяти народной.

И ещё. Человек, перу которого принадлежат стихи, наполненные тоской разлуки, любовью к своим близким и к своему народу, к родному городу Дербенту, человек, который в своих произведениях призывал к миру, дружбе и согласию, не мог обладать сердцем преступника. Таковым его считали представители денежного сословия. Именно они пытались заклеить его позором, а затем и лишили жизни.

А теперь вернусь к переводам дошедших до нас стихов. На мой взгляд, несмотря на качество собранного и дошедшего до переводчиков материала, главной их задачей было по возможности максимально сохранить стиль, форму построения и смысловое содержание этих стихов, тем более, что пересказывали их люди хотя и не всегда грамотные, но жившие в эпоху Мардахая, а, следовательно, передававшие её дух, атмосферу и реалии той поры жизни горских евреев. Ссылки на то, что всё равно неизвестно, как писал сам Мардахай, не дают право поэту заниматься «вольным переводом». Переводчик не имеет права заниматься отсебятиной, лишь бы перевод звучал поэтически лихо и красивенько в расчёте на неискущённого читателя.

Могу привести очень яркий пример из той же книги, выпущенной А. Кукуллу в 1995 году. На стр. 125 читатель знакомится с прекрасным точным подстрочным переводом Б.Гаврилова стихотворения «Уходя, просил прощения». А на стр.66 – поэтический перевод того же стихотворения, сделанный А. Сениным, назван почему-то «Размышление над колодой карт». Само название приводит в недоумение, не говоря уже о том, что там наплетено в тексте. Ну откуда вообще Сенин взял эти карты? Другими словами, это не перевод, а нечто немыслимое и абсолютно чужеродное. В таком же стиле выдержаны и все остальные его переводы.

Возможно, А.Сенин очень неплохой поэт, отдаю ему дань признательности за проделанную работу, но при этом хочу заметить, что он слишком вольно в своих переводах трактует стихи Мардахая Овшолума, нередко изменяя их содержание и смысл, делая свои дополнения, не имеющие ничего общего со стилем и духом поэта.

Начисто уничтожен стиль стиха, написанного в форме традиционной

азербайджанской гошмы. И, как следствие, исчезли лиричность, музыкальность, интонация, колорит, присущие восточной поэзии.

Переводы А.Сенина написаны современным языком лихого стихотворца, многие слова подобраны не по смыслу, а в угоду удачно подобранной рифме. Это не стихи, сложенные горско-еврейским поэтом XIX века, обладавшим восточной ментальностью. Данные переводы написаны языком современного европейского поэта.

А когда в одном из переводов Сенина я прочитал, как Мардахай Оашолум – глубоко религиозный еврей лишь только в угоду сенинской рифме «хвалится», что он, Мардахай, «На свадьбах съел штук двадцать поросенок(!)» (стр.84), я окончательно убедился, что стихи Мардахая Овшолума необходимо переиздать. Но главное, чтобы стихи для переиздания переводил поэт, близкий по духу и культуре к горскому еврею, а ещё лучше, чтобы он был горско-еврейским поэтом.

Я долго искал такого переводчика, спрашивал у знакомых, давал объявления в газеты, но найти подходящего так и не смог. Одни прыгали, как и Сенин, вверх-вниз по лихим ступеням рифмоплётства, другие, увлечшись, раздували без всякой на то нужды 3-х куплетное стихотворение Мардахая до 7-8 и более куплетов, оправдывая это тем, что я ничего не понимаю в национальной поэзии и особенностях её перевода на другой язык.

Был и такой, который согласился на перевод, но после нескольких дней молчания в ответ на мой звонок по телефону грубо, с закипающей злобой в голосе отказал мне, хотя ранее мы с ним были в очень даже милом знакомстве. Видимо, сыграл зов предков...

Да, я никогда не писал стихов и тем более не занимался их поэтическими переводами на другой язык. Да, я прекрасно понимаю, что для качественного выполнения этой работы необходимо иметь хотя бы маломальскую квалификацию и опыт. И, тем не менее, в один прекрасный момент я осознал, что на сегодняшний день никто другой, кроме меня, этого не сделает.

Знаю, и всегда сам утверждал, что «сапоги должен тащить только сапожник», но другого выхода не было, и я сделал то, что сделал. И если это тот случай, когда «лучше так, чем никак», то мои усилия были не напрасны.

Хочу подчеркнуть, что выпуск этой книги стал возможен, прежде всего, благодаря альтруизму и большой любви к своему народу известного поэта, прозаика, сказочника, неутомимого собирателя фольклора горских евреев Амалдана Кукуллу (1937-2000), который собрал воедино все сохранившиеся стихи Мардахая Овшолума, а также подстрочные переводы таких известных горско-еврейских поэтов как Даниил Атнилов (1915-1968), Борис Гаврилов (1908-1990), Семен Юсуфов (1899-1961).

Сведения о Мардахаяе, которые я привожу в этой книге, получены мною

из воспоминаний его брата (моего отца Овшолума), его многочисленных друзей, его дочери Зулпо. Также мною были использованы воспоминания известного горско-еврейского писателя Хизгила Авшалумова (1916-2001), содержащиеся в его очерке, посвящённом 70-летию со дня смерти Мардахая Овшолума Сибири. Моя великая благодарность всем, кто помог мне в создании книги, с пожеланием долгих лет жизни всем ныне здравствующим, и светлой памяти всем ушедшим.

«Да, - писал в 1995 году поэт А. Кукуллу, - доброе имя горско-еврейского бунтаря, заступника, поэта-классика - Мардахая Овшолума живёт и сейчас в его народе, а его трогательные стихи, плачи, песни со сверканием в глазах и состраданием в голосе произносят его сородичи, к сожалению, старшего поколения. Трагично, если память о горско-еврейском поэте-классике в последующих поколениях будет предана забвению».

И верно. Если в пору моей юности были свежи воспоминания о героических деяниях Мардахая Овшолума Сибири, помнились и пелись его песни, то сегодня наша молодёжь, возможно, из-за разбросанности малочисленного горско-еврейского народа, быстро меняющихся реалий и ассимиляции уже не проявляет интереса к своим истокам. Мало кто из них вообще слышал о Мардахее, и всё меньше и меньше становится тех, кто говорит и понимает джуури – язык наших отцов.

Но я верю, что пройдут годы, и у них возродится интерес к своим истокам, к своему языку. Это закономерно. Имя Мардахая Овшолума Сибири не будет предано забвению и последующими поколениями. Поэтому очень важно сделать всё для сохранения достоверных сведений о жизни выдающегося национального героя и творчестве одного из основоположников поэзии горских евреев.

И ещё. Каждый раз, сталкиваясь с материалами о Мардахее, я испытывал сомнения в приводимой дате его рождения. А теперь, работая над этой книгой и более конкретно изучая вехи его жизни, я должен был как-то определиться. Если год смерти Мардахая сомнений не вызывал, то год его рождения создавал всевозможные расстыковки в событиях его бурной и трагической жизни, а некоторые жизненные ситуации, в которых принимали участие другие известные люди, становятся просто невозможными.

Многие источники утверждают, что Мардахай родился в 1850 году. Но в таком случае становится совершенно невозможным известный факт его похода к богачу Илгъоно с целью «вымогательства» у него 300 рублей для раздачи их бедным людям на Песах. Дело в том, что по рассказам очевидцев, ходил он туда не один, а вместе с вновь назначенным в Большую синагогу молодым раввином Асоилом Бинаевым (1882-1958).

Согласно утверждению всё тех же очевидцев, случай этот произошёл по-

сле возвращения Мардахая с каторги, и было ему на этот момент 43-45 лет. Если брать за основу 1850 год рождения Мардахая, то описанные выше события должны были происходить примерно в 1893-1895 гг. ($1850+43=1893$). Но в таком случае его спутнику молодому раввину Асоилу было на тот момент всего 11 лет ($1893-1882=11$)!

И таких «несостыковок» я встретил немало. Но если сдвинуть дату его рождения примерно на 10 лет, всё становится на свои места. Ведь если взять за основу 1860 год рождения, то, вернувшись с каторги в 43-45 лет, т.е. в 1903-1905 году, идя к богачу Илгьоно, он вполне мог взять с собой Асоила, которому на тот момент было уже 21(23) года.

Руководствуясь подобными расчётами, я и решил в своей книге принять 1860 год как наиболее вероятный год рождения Мардахая Овшолума Сибири. Безусловно, за точность даты ручаться нельзя, поскольку он мог родиться и в 1859, и в 1861, и в любой другой, но обязательно близкий год.

P.S. Я уже сидел в редакции с готовой рукописью этой книги, когда на глаза мне попался 3-й номер литературно-публицистического альманаха «Мирвори», где на стр.70 я обнаружил очерк о Мардахее Овшолуме Сибири. Великолепный очерк с яркими и увлекательными историями о его много-страдальной самоотверженной жизни. Но оценка автором его поэтического творчества, а также его мнение по поводу причин смерти Мардахая, вызвали во мне, мягко говоря, большое недопонимание и всколыхнуло всё накопившееся за многие годы. Ведь было и такое: в юности прочитал в какой-то публикации, что «Мардахай умер в 1925 году на сибирской каторге». Стало быть, как враг Советской власти?!

Нет, не отреагировать на это я не мог.

Вышеозначенный автор со ссылкой на известного писателя, хорошо знакомого нам не только своим замечательным, талантливым, самобытным творчеством, но и своим, возникшим в определённое время, осознанным желанием отторгнуть наш народ от еврейства. Проще говоря, он был готов «стереть» целый народ ради своего самосохранения.

Так вот, наш автор со ссылкой на известного писателя, не только вторит ему, но, дополняя и углубляя, скажем так, его ошибочные умозаключения, повествует о неких богачах-миллионерах, и с обязательным упоминанием их фамилий именно в повествованиях о Мардахее Овшолуме. Оба писателя вроде бы совсем не к месту, но, как они пишут, «справедливости ради» назойливо представляют нам этих богачей эдакими «белыми и пушистыми», которые, якобы, всю свою жизнь посвятили накоплению миллионов с одной лишь целью – потратить их на нужды «родного простого народа».

Таких богачей в те времена быть не могло. Богатство они могли умножать единственным способом – нещадной эксплуатацией простого труженика. Другого способа тогда не было. Особенно в условиях зарождающегося дикого капитализма, да ещё в полуфеодальной кавказской глубинке с известными дикими нравами, свойственными тому времени. Для самосохранения и защиты от посягательств извне богачам требовались не только корпоративная солидарность и сословная порука, но и благотворительные акты, в том числе и в городские органы. Причём с ростом богатства такие благотворительные мероприятия могли только возрастать, но никакого отношения к повествованию о Мардахае Овшолуме они не имеют.

В таком случае, почему же и мы сейчас так много об этом рассуждаем? Да потому, что общеизвестно – просто так ничего не делается.

Оба писателя создали великолепные очерки о Мардахае Овшолуме, рассказав о нём, как о человеке, достойном народной памяти. И вместе с тем, с особым акцентом искажая факты, сделали всё, чтобы увести читателя от истины, повествуя о естественной смерти Мардахая. У них об этом написано таким тоном, как будто они сами присутствовали при последнем вздохе Мардахая, а не его близкие родственники и весь честной народ – гости одной из горско-еврейских свадеб, на которой Мардахай Овшолум Сибири был подло отравлен.

Эти авторы игнорируют известный всем факт, отмечая тем самым даже мысль о чьей-либо виновности в смерти Мардахая. Что это? Все знали, а они нет? Или же это обычный журналистский приём? Один ради каких-то целей написал, а второй (очень надеюсь) по недомыслию, приукрасив, повторил? Хорошо, когда такие приёмы служат возвышению достойного человека. А если наоборот – незаслуженно ущемляют, искажают правду о нём? Ну, а если они этим всё-таки хотели что-то сказать, то только не истину.

Далее. Эти же писатели в своих очерках дружно и упорно, против всякой логики, пытаются уговорить нас – читателей, что Мардахай Овшолум писал стихи только во время пребывания на сибирской каторге и больше никогда. Судя по их утверждениям, Мардахай Овшолум, который ими также дружно признаётся как талантливый поэт, в Сибири сочинял свои талантливые стихи, а, вернувшись домой, «завязал». Так не бывает! Они ведь и сами писатели, поэтому должны бы понимать...

Следуя их логике, М. Овшолум не писал и упомянутое выше стихотворение «Письмо из царской армии домой», созданное, как и многие более ранние его стихотворения в форме азербайджанской гошмы. Получается, что уважаемые горско-еврейские поэты Б.Г. Гаврилов и С.Д. Юсуфов, не сговариваясь, приписали его Мардахая только для того, как пишет автор очерка, «чтобы таким образом «полнее» представить его (Мардахая – прим.

моё) классиком дагестанской литературы». Обратите внимание, для большего усиления своего довода автор слово «полнее» даже берёт в кавычки.

Но если Мардахай не писал «Письмо из царской армии домой», возможно, он не был и на русско-японской войне 1905 года и не получал в награду царский крест, хранившийся у его дочери Зулпо, и я не должен был верить моему отцу Овшолуму, рассказывавшему мне об этом кресте?

Автор очерка, опубликованного в альманахе, кроме того, утверждает, что великолепные эпитафии и хвалы также кем-то приписываются Мардахая. Их ярко выраженной адресности и присутствия в них духа автора он почему-то не видит. Более того, по его утверждению, за всю свою жизнь Мардахай написал только «около 90 четверостиший, некоторые из которых собраны в стихотворения». Это значит, что Мардахай никогда не написал ни одного полного стихотворения, а писал только одни четверостишия? Не переусердствовал ли наш автор? Что его заставило так дисквалифицировать самого себя? Будучи литератором, он должен был понять, что стихи записаны по памяти, поэтому вполне возможно, что пересказчик выудил запомнившийся куплет из одного стихотворения и перенёс его по созвучию в другое. Но такие повторы можно встретить всего в нескольких случаях, и они никак не могут служить доказательством того, что стихи Мардахая просто «собраны» из четверостиший.

Так что же подвигло автора очерка из 3-го номера «Мирвори» на такие безапелляционные выводы? Неужели сознание правоты того, о чём он пишет? Не думаю.

Или это сознательно перехваченная эстафета с далеко идущими планами, или (на что я очень надеюсь) это его громадное заблуждение.

Конечно, что может быть выше благодарности к тем авторам, которые вновь и вновь возвращаются к рассказам о Мардахая Овшолуме Сибири – национальном герое нашего народа? Но, к сожалению, в указанных очерках ясно прослеживается целенаправленный увод читателя от правды, как в повествовании об истинной причине смерти Мардахая, так и в создании ложной оценки его поэтического творчества. Поэтому, прикрываясь отдельными хвалебными оценками определённых сторон жизни и поэзии Мардахая Овшолума, в целом они упорно и целенаправленно развенчивают его роль в становлении горско-еврейской литературы и принижают значимость его поэзии для нашей культуры.

Возможно, указанные авторы предполагали, что и в дальнейшем некому будет оспорить навязанные ими выводы, и они узаконятся в будущем. Так не будет!

Мардахай Овиолум

**ЛЕГЕНДАРНЫЙ
МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ
СИБИРИ
(СИБИРСКИЙ)
1860-1925**

**ПРАВДОЛЮБЕЦ, БУНТАРЬ-ОДИНОЧКА,
НАРОДНЫЙ ЗАСТУПНИК,
ПОЭТ-КЛАССИК ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ**

Г.Сергеев. Дербент в 1796 г.

*Ведь кроме прощения нет мужества большего.
Дороже правдивого нет слова лучшего.
И Родины слаще ничего нет на свете, -
Надеюсь, вернусь я к вам, дорогие*

«Письмо из Сибири»

ДЕРБЕНТ XIX ВЕКА. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Наше повествование о легендарном Мардахая Овшолуме Сибири начнём с исторической хронологии Дербента, отражающей начало связей его и Дагестана в целом с Российской империей, что так или иначе отразилось на судьбах наших предков.

22 июня 1722 года. Русский царь Пётр I высадился в том месте, где впоследствии был заложен город Порт-Петровск – ныне Махачкала.

23 августа 1722 года. Пётр I без боя взял Дербент.

1806 год. Дербент окончательно присоединён к России.

1813 год. Дербент юридически, по Гюлистанскому договору с Ираном, вошёл в состав Российского государства.

1834-1859 гг. Шамиль становится имамом Чечни и Дагестана.

29 августа 1859 года. Восточная зона Кавказа полностью покорена Россией после пленения Шамиля.

1840 год. Образован Дербентский уезд, управление которым осуществлялось так же, как во внутренних губерниях России, т.е. без учёта местных национальных условий.

1846 год. Дербент становится губернским городом для управления Дагестаном. Здесь размещается резиденция военного губернатора.

1860 год. Создаётся Дербентское градоначальство – гражданское управление в связи с образованием Дагестанской области. В Порт-Петровске открывается тюрьма. Родился Мардахай Овшолум Сибири.

1861 год. Крепостная реформа и отмена крепостного права. На Кавказе это событие большого значения не имеет ни в экономическом, ни в политическом плане из-за устойчивости национального характера этого региона. Ещё долго невозможно будет вытравить из бедного человека его рабскую сущность и его рабскую зависимость от сильных мира сего.

1875 год. В Дербенте построена городская мельница, что функционирует и поныне.

1877 год. Дербент на осадном положении, в связи со вспыхнувшим в Дагестане восстанием против кумыкских беков. Оно продолжалось 5 лет и закончилось без каких-либо результатов в пользу восставших.

1879 год. Построен паровой завод по выработке виноградного спирта.

1895 год. Введено городское самоуправление.

1900 год. Открытие Дербентской ветки железной дороги.

1905 год. Забастовочное движение в Дербенте в период русской буржуазно-демократической революции. Русско-Японская война.

1917 год. Двоевластие после февральской революции. Установление Советской власти.

1918-1920 гг. Гражданская война и иностранная военная интервенция.

1920 г. Восстановление Советской власти в Дербенте. Объявление Советской власти и Советской автономии в Дагестане.

1921 г. Постановление ВЦИК об образовании Дагестанской Автономной Советской Социалистической республики - Даг. АССР.

1925 год. Смерть Мардахая Овшолума Сибири.

Вторая половина XIX века. Как и вся безбрежная Российская Империя, Дербент живёт спокойной, полусонной, размеренной нищенской жизнью южной окраины, с присущими ей болезнями, эпидемиями, отсутствием элементарных условий существования, с нещадным угнетением простого народа беками, богатеями и всякого рода власть имущими элементами.

Росло противоречие между полуголодной и унылой жизнью простого народа и богатством и роскошеством богатеев-феодалов. Это противоречие усиливалось беспределом официальных властей и бесконечной войной имама Шамиля с Российской империей. Недовольство простого народа, доведённого до крайней степени отчаяния, должно было, наконец, найти выход. И горские народы Дагестана восстали против кумыкских ханов и беков. Борьба продолжалась 5 лет. Дербент находился на осадном положении. Но простой народ не смог одержать верх над правящей верхушкой, поддерживаемой официальной Российской властью. В результате восстания никакого облегчения народ не получил.

Каково же было жить в такой обстановке народу, исповедовавшему иудаизм, - горским евреям. Гонимый народ жил островком «тенгге махьала» - «узкие улочки» среди антисемитских издевательств такого же ожесточённого жизнью океана мусульманского мира.

Историк и исследователь Дагестана Е.И.Козубский (1851-1911) писал о том времени: «...табасаранские беки, владеющие евреями, поступают с ними варварски, считая еврея не человеком, а животным, которое истязать и убивать по капризу не считается грехом и преступлением...»

Народ стонет в своих убогих жилищах и ищет утешения в заунывных песнях, мечтает о богатырях и героях, которые придут и, наконец, помогут им.

ГОРСКИЕ ЕВРЕИ

Ещё до недавнего времени немногие знали, что Дагестан в числе 36 других народностей издревле населяет малочисленная народность – горские евреи - «джуур догъи» или «таты», как нас называла советская власть, приобщая тем самым к татам-мусульманам, и, видимо, с одной только целью – оторвать наш маленький народ от международного еврейства.

С древнейших времён горско-еврейский народ жил во многих поселениях Кавказских гор и плоскогорий. Как сами горские евреи, так и многие исследователи прошлых столетий: Виллем Рубрук (1215 или 1220 – 1293), Адам Олеарий (1603-1671), Ян Стрейс (1630-1694), Самуэль Готлиб Гмелин (1745–1774), И.Я. Чёрный (1835-1880), - и многие учёные современности считают горских евреев потомками колен Иуды и Бениамина. А, проследивая их путь на Кавказ, связывают появление горских евреев в Дербенте и в других многочисленных населённых пунктах данного региона с ассирийским и вавилонским пленениями.

«...В 722 г. до н.э. ассирийцы увели в плен десять северных колен Израиля, а колена Иуды и Бениамина ещё долгое время жили в пределах Иудейского царства и в 586 г. до н.э. были уведены в плен в Месопотамию войсками вавилонского царя Навуходоносора... после разрушения Первого Иерусалимского храма...»

Если 10 северных колен канули в пучину человеческой истории, а, проще говоря, считаются до сего дня пропавшими, то часть колен Иуды и Бениамина – предки современных горских евреев, претерпев великие лишения и страдания, расселилась на горных просторах Восточного Кавказа.

История горских евреев – уникальная страничка в истории мировой цивилизации. Живя в окружении мусульманских народов и стараясь поддерживать с ними добрососедские отношения, горские евреи никогда с ними не смешивались и хранили веру далёких предков, верность заповедям Торы. Они отмечали еврейские праздники, соблюдали скорбные дни, неуклонно соблюдала субботу, сохранив тем самым себя

как этнос. Между тем, история горских евреев знала немалые случаи насильственного обращения их в мусульманство и так же, как Российское и мировое еврейство, они в полной мере испытали на себе ужасы бесконечных погромов и иных проявлений антисемитизма.

Сам термин «горские евреи» появился в XIX веке после включения Дербента в состав Российской империи. Прибывшие сюда вместе с русской армией учёные и исследователи были поражены, встретив здесь ревностных последователей Моисеевой веры так непохожих на своих российских собратьев. Местные евреи, как и другие горские народы, обладали горячим нравом, прекрасно ездили верхом и были способны с помощью имеющегося у каждого оружия защитить при необходимости и себя, и свое жилище.

Судьба этого маленького народа сколь трагична столь и величественна. Давно ушли в небытие многие большие народы, будоражившие когда-то мир. Исчезли целые государства и сообщества, не сумевшие преодолеть всех превратностей судьбы. Но маленький народ, названный - «горскими евреями», благодаря своему великому умению переносить все тяготы и лишения, выжил. Он жил с Богом в сердце, из поколения в поколение передавал свою веру и во все времена среди простых смертных рождал на свет титанов-богатырей, людей сильных духом и телом, готовых в любую минуту принести себя в жертву во имя спасения соплеменников. Увы, имена многих из них не сохранились, став своего рода «пропавшими коленами». Но, к великому счастью, некоторые имена всё же дошли до наших времён и продолжают жить в благодарной памяти потомков.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ СИБИРИ

Одним из таких выдающихся личностей, которыми могут гордиться и восхищаться горские евреи, был Мардахай Овшолум Сибири, а по данным царской охранки - Мардахай Овшолум-огълы – богатырь, бунтарь-одиночка, правдолюбец, защитник обездоленных и один из родоначальников горско-еврейской поэзии. Всевышний наградил его в равной мере богатырской силой и силой поэтического таланта.

Его старательно пытались очернить, приклеить к его имени ярлык «бандита». Кому это было нужно? Прежде всего, тем, кто были хозяевами той жизни. Они люто ненавидели Мардахая, а затем подло отравили его на одной из горско-еврейских свадеб. А в дальнейшем это было нужно их потомкам и примкнувшим к ним лизоблюдам (не хочу называть имена), ставшим хозяевами жизни уже при советской власти. Жалкие отпрыски тех, кого громил Мардахай, защищая обездоленный народ, можно встретить и в нашем поколении, даже здесь, в Израиле. И хоть прошло уже очень много лет, но и сейчас они пытаются принизить роль Мардахая в истории нашего народа и делают всё, чтобы предать его имя забвению. Но несмотря на вековые усилия, Мардахай Овшолум был и остаётся, пожалуй, одной из самых легендарных и замечательных личностей в истории горских евреев.

Он родился в Дербенте в 1860 году (примерно) в бедной семье. Вспоминают, что новорожденный отличался необыкновенным весом и рос не по годам крупным ребёнком. Его мать умерла, когда Мардахай не было ещё и семи лет, а в девять он уже начал работать на бека. Зарабатывая деньги на сборе марены он сам оплачивает своё обучение у раввина Большой Дербентской синагоги – Исроила. Раввин обучал мальчика, прежде всего, Торе, а поскольку был для своего времени очень образованным человеком, то смог дать ему и сведения по тюркско-азербайджанской, древнееврейской и персидской культуре. Одним словом, Мардахай постигал не только Тору и молитвы, но и

понемногу входил в удивительный мир восточной поэзии.

Шли годы, мальчик становился рослым и сильным юношей. На смену мягкому детскому голосу приходит громовой густой бас. Научившись играть на сазе и кумузе, он любит петь народные песни под собственный аккомпанемент и вскоре становится завсегдатаем на бедных горско-еврейских праздниках, свадьбах. Он поёт песни, слова которых сложены в народе, и даже не замечает, как начинает импровизировать, досочинять, а потом и сочинять сам.

В жизни Мардахая начинается, говоря современным языком, новая бардовская страница. Народ подхватывает его песни и разносит по аулам и селениям. Теперь его наперебой приглашают на семейные торжества, свадьбы, вечеринки и на различные шумные застолья. Но милосердная душа Мардахая не может пройти мимо чужого горя – его часто видят и на похоронах, где он принимает самое деятельное участие и тоже поёт. Только поёт он здесь совсем другие, траурные песни. Это даже и не песни, а пение Хазана, исполняющего ритуальные еврейские молитвы.

С ранних лет Мардахай познал нищету, увидел забитость своего народа, произвол властей и богатеев-беков. У Мардахая, как и у большинства бедняков Дербента, ничего не было. Ни дома, ни сада, ни определённой профессии, ничего, кроме силы духа и силы рук. Его народ жил в «тенгге махъала» - «узких улочках», в основном, в съёмных лачугах. Сделаны они были из самана или сложены из мелких осколков камней и представляли собой тёмные строения с низкой протекающей кровлей и без окон. От постоянного недоедания, грязи, антисанитарных условий в «тенгге махъала» свирепствовали инфекционные болезни, в том числе туберкулез.

Чтобы хоть как-то прокормить свои семьи соплеменники Мардахая в основном работали батраками на виноградниках, рыбных промыслах, сборе марены, но эти работы были подчас только сезонными.

Мардахай был беден так же, как все, но из толпы его выделяло то, что ходил он с высоко поднятой головой, и никакой бек или богач не мог заставить его забыть о чувстве собственного достоинства, принизить себя.

До наших дней дошло стихотворение Мардахая Овшолума, написанное им в виде письма, адресованного иранскому шаху. В ту пору шахом Ирана был Насреддин-шах. Как показатель большого достояния и крепости своего шахства он держал гарем из 1200 жён. Но Мардахай, который кроме кинжала на поясе да дойной козы никакого другого имущества не имел, написал в своём стихотворении Насреддин-шаху, что, мол, он, Мардахай, этого шаха ничуть не слабее, а в некоторых вопросах даже гораздо боеспособнее.

По рассказам очевидцев, Мардахай был человеком громадного роста (около 2м 12см), с широкими плечами и крупной костью. Его лицо с крупными чертами было весьма благородным. Он имел крепкие руки с широкими, толстыми ладонями, тяжёлыми, будто налитыми свинцом. Чёрные густые борода и усы его были всегда тщательно подправлены ножницами и ухожены.

Богатырь Мардахай обладал недюжинной силой. В старом Дербенте, наверное, не было человека сильнее него. Рассказывали, что как-то после проливного дождя по дороге с виноградника в заболотившейся почве застряла гружёная подвода. Как ни старался хозяин вытащить подводу с виноградом из месива, как ни понукал свою лошадь, избивая её кнутом, бедное животное было не в силах сдвинуть подводу с места. Проходивший мимо Мардахай увидел, в каком бедственном положении находятся и извозчик, и лошадь, решил пойти им на помощь. Сняв обувь и закатав брюки до колен, он подошёл к подводе, обвязал её верёвкой, потом вместо лошади впрягся в эту верёвку и, взявшись двумя руками за подводу, вытянул её из болота.

Пользуясь своей богатырской силой, Мардахай заходил в дома богачей, наиболее известных своими издевательствами над простыми людьми, и облагал их «налогом», т.е. отбирал у них деньги, продукты, которые передавал в синагогу для раздачи сиротам, бедным, больным людям во имя спасения их от нищеты и голода.

ГОРОВОЙ – ВОЗМУТИТЕЛЬ ПРАВОПОРЯДКА

А между тем Дербент, как и весь Кавказ, как и вся Россия, вступает в полосу Смутного времени, ознаменованного ростом вражды племён и дикому по своему размаху антисемитизму. Порой кровавые конфликты раздуваются искусственно. Защиты нет.

Мардахай очень хочет помочь своему народу. Поначалу он пытается использовать свой талант барда и певца, сочиняя и исполняя пламенные, зажигающие сердца и души песни-призывы, например:

Не нужно больше зла, живите мирно –
Согласие и дружба движут миром...

Он исполняет их во всех людных местах, на площадях и базарах, но желаемого эффекта его призывы не дают. Тогда Мардахай, видя страдания своего обездоленного народа, пишет полные веры в царя и в Бога прошения к местным властям. И, конечно же, опять никакого эффекта.

Осознав тщетность своей прошенческой писанины, он поступает на службу в полицию и становится городовым, наивно полагая, что в форме блюстителя правопорядка он сможет куда более эффективно повлиять на ситуацию. Да и семью как-то кормить надо было. На службу его приняли весьма охотно, видимо, решив, что городской такого роста и такой необыкновенной богатырской силы властям всегда пригодится. Но как они заблуждались... Даже в форме городского он, как и раньше, продолжал выступать с призывами к миру и согласию во всех многолюдных местах. Такой городской никак не соответствовал существующему миропорядку, установленному властями города, поэтому вскорости из полиции его выдворили.

Я видел каменные лица,
Бездушные, как камни мостовой.
Я и сейчас, наверное б, работал
Городовым в управе городской...

Эпитафия «Каменные лица»

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ – УЗНИК СИБИРИ

Антисемитизм и безысходность всё более и более нарастают, и Мардахай, который всегда призывал в своих песнях, что надо, «чтоб стихли стоны» и что «все люди братья» и «прошу вас, люди, живите мирно», начинает осознать, что насилие может быть укрошено только ответным насилием. С этого момента его жизнь наполняется другим содержанием, что и определит всю его дальнейшую жизнь, в которой арестантский халат станет его постоянным спутником и заколдованным символом.

С этого момента начинается новая драматическая веха его жизни. Как пишет Мардахай Овшолум в одной из своих эпитафий, пятнадцать раз его осуждали на каторгу, двенадцать раз он совершал побег. Пятнадцать раз благодарные горожане провожают его в дальний скорбный каторжный путь, двенадцать раз тайком празднуется его возвращение домой.

Конец 80-х годов XIX века. Мардахай работает сторожем на «Трудовом базаре» Дербента. На той же улице, в конце которой располагались ряды всевозможных торговых лавок, располагались и три синагоги Большая, Малая и синагога Хьивро. Поскольку сторожем на этой улице был сам Мардахай, ни один вор или налётчик не смел посягнуть ни на лавку, ни на жилой дом, ни на синагогу.

Однажды тихой спокойной ночью, находясь на своём посту и делая обход «своих объектов», Мардахай погружённый, вероятно, в раздумья о реальном положении своих соплеменников, о невозможности что-либо кардинально изменить, вдруг услышал душераздирающий женский крик и призывы на помощь. Оказалось, что пьяный жандарм пытался изнасиловать молодую женщину – горскую еврейку живущую одиноко. Зная, что женщина живёт одна, жандарм и затеял своё гнусное дело, будучи уверен, что особого противодействия не будет: кому до кого есть дело, да и кто осмелится оказать отпор ему, вооружённому жандарму, представителю власти. Однако возмездие пришло. Жандарм получил от Мардахая Овшолума. Но, помогая бедной женщине, он тем самым кладёт на алтарь свою собственную судьбу.

Увидев помешавшего ему Мардахая, жандарм бросился на него и в

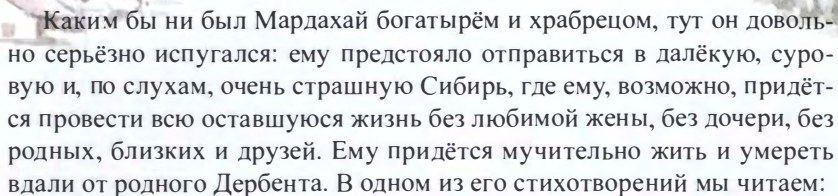
завязавшейся борьбе наткнулся на лезвие кинжала. Убитого жандарма Мардахай сбрасывает в уборную и немедленно скрывается. Труп пропавшего жандарма в конце концов был обнаружен, и агенты полиции начали рыскать по домам, подвалам, дворам в поисках Мардахая. Неоднократно они являлись к нему домой, но у его жены и дочери был заготовлен один ответ: «Мардахая дома нет». С тех самых пор у нашего народа, в числе многих других, появилась ещё одна поговорка на азербайджанском языке: «Гел-гит, Мардахай эвде ёхтур» - «Приходи-уходи, Мардахая дома нет».

Несмотря на то, что друзьям довольно долго удавалось прятать Мардахая в надёжных местах, врагов у него было тоже немало, и полиции в конце концов удалось его арестовать. Сотни земляков приходили к месту временного заключения Мардахая, чтобы как-то поддержать его и вселить бодрость духа.

А затем был суд. На суде Мардахай признался в том, что убил жандарма, и пытался доказать, что тот был сам виноват, так как хотел изнасиловать беззащитную женщину и обречь её на вечный позор. Но суд не слышал показания Мардахая, зато прекрасно понял показания добровольных свидетелей, местных богачей, заявлявших, что Мардахай «бандит» и «очень опасен для государства». Приговор суда был суров: 15 лет каторжных работ в Сибири, что было равносильно смертному приговору.

О тех добровольных свидетелях Мардахай впоследствии пишет:

Добровольцы-богачи,
будь они во век прокляты!
На суде, назвав «бандитом»,
суду поверить мне не дали.
Прокурор, судья, присяжные,
посчитав меня опасным,
Сурово очень наказали
и в каторжане заковали.

На почтовом пароходе его отправляют по «Южной Владимирке» - маршруту каторжан юга России: Баку – Астрахань – Сибирь. Мы не можем знать, как конкретно проходили его каторжные годы. Только в строчках его стихов, присланных с каторги, мы читаем о выпавших на его долю страданиях и мучениях, о тоске по всему, что он оставил в родном Дербенте. Однако по этим же стихам можно судить, что он не был сломлен многолетней каторгой, наоборот дух и воля его ещё более окрепли. Надо сказать, что вдали от Родины он написал свои лучшие стихи.

Мардахай Овшолум Сибири вернулся домой, прихрамывая на правую ногу. Он повредил её бревном, сорвавшимся со штапелей на сибирском лесоповале. Для облегчения передвижения он берёт тяжёлую металлическую трость, которую теперь видят у него в руках в течение всей его жизни.

С горечью видит Мардахай, что беспросветная нищета и страшный антисемитизм за годы его пребывания на каторге ещё более усилились. Он также не мог не видеть, как жирели богачи, сдабривая своими благотворительными акциями официальные власти и получая за это индульгенцию на нещадную эксплуатацию простого народа.

И трость Мардахая становится не только помощником в передвижении, но и при необходимости грозным оружием. Именно эту трость, уходя по своим делам, он втыкал в землю между двумя магалами – еврейским и мусульманским, устанавливая тем самым границу между ними, перейти которую охотники поиздеваться над «джууьдами» – жидами побаивались. Трость оставалась на месте ровно сколько, сколько считал нужным её хозяин. И никто не осмеливался перейти границу, пока сам Мардахай не возвращался и не забирал трость обратно. А, кроме того, воткнутая в землю трость для погромщиков и для своих людей была символом того, что Мардахай Овшолум сейчас здесь, в Дербенте, и горско-еврейская слободка может вздохнуть спокойно.

ДЕРБЕНТСКИЙ РОБИН ГУД

Имя Мардахая обрастает славой. Бедняки города очень гордятся им и любят его. А богатеи ненавидят и считают своим врагом. И у них на это были причины: многих из них Мардахай продолжает облагать «налогом», т.е. брал у них деньги, продукты и отдавал в синагогу для раздачи бедным и больным соплеменникам.

Примерно в это же время на службу в Большую синагогу Дербента назначается очень молодой, но довольно образованный раввин Асоил Бинаев (1882-1958). Несмотря на большую разницу в возрасте, Мардахай тесно сходится с раби Асоилом. Их объединяют общие жизненные принципы, тревога за судьбу своего народа и горячее желание помочь ему. Молодого Асоила привлекла незаурядная яркая личность старшего друга, Мардахай стал для него героическим примером бескорыстного служения своему народу.

Впоследствии раби Асоил даже будет ходить с Мардахаем к богатым и собирать с них «дань» в помощь самой обездоленной части народа. Раби вовлечёт Мардахая в общественную жизнь и назначит казначеем Большой синагоги, а в 1918 вместе с Мардахаем примкнёт к большевикам, увидев в новой власти силу, способную хоть как-то изменить беспросветную жизнь своих соплеменников.

Но это будет потом. А пока дербентский Робин Гуд – Мардахай Овшолум, наживая бесчисленных врагов, борется с существующими порядками своими силами. Память народная сохранила немало эпизодов, главным действующим лицом в которых был Мардахай. Один из таких эпизодов описал в своём очерке о Мардахае Овшолуме Хизгил Авшалумов. В нём идёт речь о том, как Мардахай назначил «налог» богачу по имени Ильгьоно, отличавшемуся особыми несправедливостями по отношению к бедному люду.

Дело происходило во дворе синагоги, куда зашёл Мардахай. На поясе его был длинный широкий кинжал, а в руках знаменитая металлическая трость. Поздоровавшись со всеми присутствовавшими, он прошёл и уселся рядом с находившимся там Ильгьоно. Люди мирно беседовали, как вдруг богач внезапно взвизгнул и подскочил. Откуда людям было

знать, что это Мардахай неожиданно ушипнул его своими огромными железными пальцами за «мягкую» часть туловища.

- Молчи и слушай! – угрожающе тихо сказал Мардахай. – Сейчас пойдёшь домой и скажешь жене, чтобы она приготовила сегодня хороший бугьлеме из лосося (национальная еда, типа рыбной ухи) и рисовую кашу к нему. Пусть поднимет из твоего подвала ведро хорошего вина, подготовит зелень-мелень и что там ещё полагается. Мы с уважаемым раввином Асоилом сегодня вечером придём к тебе в гости.

- С удовольствием! – со страхом промолвил Ильгёно. – Гость – от Бога! Приходите.

- «С удовольствием» - это ты после скажешь, - продолжил Мардахай. – Ты знаешь, скоро Нисону (Песах), а у многих бедняков нет денег на хлеб, не то что на мацу, вино и мясо. Три сотни денег ещё дашь, их разделят в синагоге между самыми нуждающимися.

А надо сказать, что три сотни были тогда весьма немалыми деньгами. К примеру, на такую сумму можно было справить большую свадьбу.

Нередко люди сами обращались к Мардахая с просьбой о помощи и восстановлении справедливости, поскольку многие дербентские богачи старались как можно меньше платить труженикам за работу. Рассказывали, что один такой богач, хозяин садов, не только норовил заплатить меньше положенного, но ещё и задерживал выплату, вынуждая работников по несколько раз с унижениями обращаться к нему за деньгами: то его дома нет, то он спит, то у него времени нет – потом приходи.

Одному бедняге это надоело, и он пришёл с жалобой к Мардахая. Вместе они пошли во двор к богачу, и Мардахай перед его двумя жёнами, детьми, квартироръёмщиками отвесил издевателю такую оплеуху, что тот посреди двора несколько раз перекувыркнулся. Мардахай вынул богача не только вернуть работнику все причитающиеся ему деньги, но и дать столько же сверху за все издевательства над ним.

Мардахай оказывал помощь не только бедным евреям, но и другим жителям города. Я вспоминаю, как в пору моей юности из случайной беседы с пожилым безногим сапожником-азербайджанцем, работавшим напротив кинотеатра «Родина», я узнал о том, как Мардахай помог молодой одинокой азербайджанке и спас её от домогательств неких молодчиков из магала. По словам сапожника, Мардахай так проучил их, что

это запомнилось надолго и многим послужило уроком.

Нет сомнений, что у Мардахая было много врагов, но гораздо больше у него было друзей как среди евреев, так и среди табасаранцев, даргинцев, азербайджанцев. А лезгинский писатель Кази Казиев, который многие годы был главным редактором лезгинского журнала «Коммунист», в своей повести «Карибуба» повествует о герое-борце Мардахая Овшолуме – большом друге лезгин.

Одним из самых близких друзей Мардахая был азербайджанец Керим Алекпер-огълы. Он тоже был силачом, смелым боевым человеком, не ведавшим страха. Керим и Мардахай были преданы друг другу, не раз ели вместе хлеб-соль, пока какой-то «доброжелатель», желая их рассорить и сделать врагами, не навёл напраслину на Мардахая.

Взбешённый азербайджанец вызвал Мардахая на бой – сразиться на кинжалах. На месте дуэли куском известняка начертили круг, и по правилам битвы, никто из них не должен выйти за линию круга, пока один из противников не упадёт замертво. Кинули жребий, чтобы определить, кто первым сделает выпад кинжалом против своего «врага». Жребий выпал Мардахая.

Обнажив кинжалы стояли они в кругу напротив друг друга, а со всей округи сбегались люди, чтобы стать свидетелями необычной дуэли. Но дуэль не начиналась, поскольку Мардахай не нападал, а просто стоял спокойно и с достоинством.

- Бей, Мардахай, я жду! – крикнул ему Керим.

- Нет! Ты бей сначала! – ответил Мардахай.

- Как же я ударю? По жребию ты должен бить первым!

- Во имя нашей прежней дружбы, во имя того, что мы не раз ели с тобой хлеб-соль за одним столом, я дарю право первого удара тебе. И не сомневайся: какую бы тяжёлую рану ты мне ни нанёс, я всё равно сумею ответить тебе как надо.

Услышав слова, которые может произнести только по-настоящему храбрый, сильный и благородный человек, Керим забывает про свои обиды. Он бросает свой кинжал на середину круга, а следом за ним туда же бросает свой кинжал и Мардахай. Они пожимают друг другу руки, обнимаются как братья и остаются таковыми до конца жизни.

Мардахай с женой Наргуз (с фотографии)

ССЫЛКИ, ПОБЕГИ, РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

С самого момента возвращения Мардахая Овшолума с сибирской каторги в жандармерию города на него поступают непрерывные жалобы. Богачи города требуют принять меры против «вымогателя» и «бандита».

По весне на деревьях цветы расцветают,
Душистым их запахом город залит.
Зря беки «бандитом меня называют –
Я не бандит, и пред Богом я чист.

«После суда»

Живя от ареста до ареста, сменяя одну ссылку на другую, Мардахай не меняется. Он продолжает помогать беднякам, продолжает выступать в роли справедливого судьи и заступника. Сохранились рассказы о том, что как-то раз на дороге, ведущей в Белиджи, Мардахай грабит перевозимую казну – средства собранные от налогов с бедных горожан. «Бандит» отбирает деньги и немедленно возвращает их бедноте.

В родном Дербенте ему доводится бывать не часто. Но каждого его появления беднота ждёт с надеждой и встречает защитника с ликованием. А на самого защитника обрушивается непоправимая беда: в тяжёлых родах умирает его любимая жена Наргуз. Он тяжело переживает эту утрату, но во сто крат тяжелее для него то, что всё случилось в момент его отсутствия, когда он сидел в тюрьме в ожидании очередного приговора.

Необходимо заметить, что за свою жизнь Мардахай женился трижды (после смерти предыдущих жён), но, как истинный однолюб, стихи он писал и признавался в них в своих чувствах только первой жене Наргуз.

1905 год. Пытаясь увести народ от революционных брожений и покончить с взбунтовавшимися революционными силами, Николай II начинает войну с Японией. Эта война стала настоящей бойней, на её фронтах ежедневно погибали тысячи людей. И власти Дербента, как и многих других городов, с готовностью отправляли в «мясорубку» всех возмутителей спокойствия, среди которых, естественно, был и Мардахай.

В проклятый день моего призыва
Барабаны повсюду надрывно стучали.
Не Бог нам хотел войну на погибель –
Войну хотел наш царь кроважадный.

«Письмо из царской армии домой»

Но ему повезло, и он не только не погиб в этом адовом пекле, но и благополучно вернулся, да ещё и с наградой - царским крестом.

После возвращения с войны Мардахай женится на молодой красивой девушке из Губы, но их спокойная семейная жизнь длится недолго, поскольку Мардахая ожидает новый арест, суд, ссылка и очередной побег.

Надо понимать, что Мардахай стоял властям города «поперёк горла». Каждый его арест сопровождался народными волнениями: люди разных национальностей приходили к месту заключения своего героя и требовали от властей свободы для Мардахая.

Так было и тогда, когда на заводе, где гасили известь (он находился у подножья гор к югу от Нарын-кала), Мардахай вступился за нещадно избиваемого рабочего-бедняка. Жандармы нанесли Мардахая 15 ран, но герой не сдался. «Вы кончили? Ну а теперь я начну!» - с этими словами он нападает на жандармов, убивает одного из них, а другому отрубает руку.

Так было и тогда, когда в ответ на бесчисленные издевательства над простыми людьми Мардахай убивает двух сыновей богатого бека. По-

сле суда и очередного приговора его привязывают к мачте судна, которое должно доставить каторжника на паром, чтобы впоследствии отправить уже известным маршрутом «Баку – Астрахань – Сибирь». Судно с привязанным к мачте Мардахаем всю дорогу сопровождали многочисленные лодки с людьми. А Мардахай, не теряя присутствия духа, тут же импровизирует и громогласно читает провожающим свои стихи, ставшие потом крылатыми и одними из самых любимых в народе:

Пять пальцев у меня, пять отдельных пальцев.
Если сожму их – будет кулак.
Для врага мой кулак – это камень тяжёлый,
Для тебя же защитой будет, бедняк!

«Хвала моему кулаку»

Будучи обладателем громадной физической силы и к тому же человеком грамотным, Мардахай во время многократных пребываний на каторжных работах назначался на какие-либо должности, становился бригадиром, учётчиком или ещё кем-нибудь, благодаря чему не только сам получал возможность выжить, но и мог, даже здесь, в Сибири, помогать своим более слабым товарищам, создавать атмосферу взаимовыручки. Поэтому на каторге, как и везде, он был окружён преданными друзьями. Особым уважением Мардахай пользовался у политических каторжан.

Не смогут помочь мне ни брат, ни сестра –
Ученые друзья из России врачуют,
Чутко дежурят у ног до утра,
Глаз не сомкнув, у постели ночуют.

«Песня во время болезни»

Мардахай Овшолум – личность удивительная. Многие рассказы о нём – готовый сюжет для захватывающего детективного или приключенческого романа. Вот один из них.

Мардахая в очередной раз должны этапировать в Сибирь. В очередной раз, как это бывало и раньше, его вместе с другими заключёнными сажают на грузовое судно. Мардахая, закованного по рукам и ногам, помещают в один из трюмов. Судно отчаливает от пристани, но, пройдя буквально несколько миль, по неизвестным причинам начинает тонуть. На борту начинается дикая паника. Но Мардахай и в этой абсолютно безвыходной ситуации оказывается даже сильнее стихии, сильнее смерти. Будучи закованным в кандалы, он сумел выдавить толстое стекло иллюминатора и выпрыгнуть в открытое море.

Двое суток на бочке, выпавшей с судна, он плывёт к противоположному берегу Каспия и спасается, тогда как сотни людей, находившихся на судне, погибли в морской пучине. Погибли и заключённые, и их конвоиры, и матросы.

Недюжинная сила и воля к жизни спасли Мардахая от неминуемой смерти, только вот свободу он не обрёл: на берегу его ждала полиция.

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Необходимо отметить, что с начала XX века и до 1917-18 годов Мардахай редко удавалось пожить в родном Дербенте. Русско-японская война, многочисленные аресты и ссылки. А если в этот период он и бывал дома, то зачастую находился на нелегальном положении после очередного побега. Поистине, как писал Мардахай в одной из своих эпитафий: «Спокойных дней не увидев мечту». И так продолжалось до полного установления в Дербенте Советской власти.

Появившись в очередной раз на родине в разгар революционной борьбы и Гражданской войны, Мардахай тем не менее с оптимизмом встречает происходящие перемены. И хотя в его городе вновь идёт война не на жизнь, а на смерть, - это борьба за новую власть, его власть. И он, уже немолодой, измученный ссылками и гонениями человек, встаёт на баррикады и дерётся с врагами внутренними и внешними! Он снова чувствует себя молодым. Он снова на горячем перекрёстке истории.

Нет сомнений, что такой человек, как Мардахай, не мог стоять в стороне от борьбы за грядущие перемены. Окрылённый надеждой на лучшую жизнь для простых людей, он с головой кидается в самую гущу революционных событий.

Мардахай Овшолум выступает на многочисленных митингах, говорит о братстве, о новой жизни, которая принесёт людям счастье. Он близко сходитя с видными революционерами, такими как Арон Эрлих. Мардахая трудно узнать, он преображается, становится лёгким на подъём и даже восторженным, как когда-то в молодости.

Идите на схватку, великую схватку,
Будьте смелы, громите врагов.
Отрядами горскими умножьте победу
В борьбе всеобщей народов за власть.

*«Из наставлений отрядам
красногвардейцам, уходящим на фронт»*

Но новая власть, вопреки вожденным мечтам Мардахая в момент своего становления принесла народу не избавление, а ещё большие беды и трагически известный по всей безбрежной России голод 20-30-х годов.

По воспоминаниям известного горско-еврейского писателя Миши Бахшиева в 1922 году в Дербенте царил страшный голод. Семья Мардахая, как и другие бедные семьи, терпела большую нужду. В конце лета, когда уже собран был урожай пшеницы с полей, Юсуф Бахшиев – друг Мардахая и отец будущего писателя Миши Бахшиева предложил идти в Мюшгюр и дособирать колоски, оставшиеся на полях, чтобы принести домой хоть немного зерна. В то время колоски на полях обычно собирали сироты, одинокие женщины или очень бедные люди.

И хотя Мардахай в тот момент не очень хорошо себя чувствовал, он согласился идти. Друзья отправились в путь, прихватив с собой и Миши, бывшего тогда ещё подростком.

Мюшгюрцы, увидев, что в группе людей, пришедших на их поля собирать колоски, сам легендарный богатырь – гъуччи Мардахай Овшолум, они не позволили им работать под палящим солнцем. Они усадили Мардахая как дорогого желанного гостя в тени деревьев, чтобы тот отдохнул и наслаждался сельским покоем и прохладой в середине жаркого дня, а затем приглашали его вместе со спутниками в гости и водили из дома в дом.

За трапезой мюшгюрцы, желая поднять настроение дорогому гостю, пели его песни, всячески выражали свою радость и гордость оттого, что их посетил такой уважаемый гость. Мардахай был очень обрадован и беспрестанно благодарил за оказываемые ему знаки внимания. Провожая своих гостей, мюшгюрцы наполнили их мешки хорошей пшеничной мукой.

«ЕСЛИ Я ЗАБУДУ ТЕБЯ, ИЕРУСАЛИМ...»

Имя Мардахая Овшолума Сибири ещё при его жизни обросло всевозможными легендами. Однако то, что он побывал в Иерусалиме, - вовсе не легенда, как считали некоторые исследователи, а чистая правда. И побывал он там дважды.

Приводимая здесь фотография Мардахая много лет хранилась и передавалась из поколения в поколение семьёй горских евреев, живущей в Израиле с XIX века. Потомки этой семьи проживают ныне в кибуце недалеко от Кфар-Сабы. 13 лет назад эту фотографию передали мне. Не трудно предположить, что фотография была сделана в Палестине, поскольку гораздо труднее представить, что Мардахай, этапиремый в Сибирь, бежавший с каторги, прошедший весь многотрудный путь до Эрец Исраэль, всё это время ташил с собой эту фотографию, чтобы «оставить ее кому-то на память». А, кроме того, в Дербенте никто и никогда такой фотографии не видел.

Первый раз Мардахай сбежал в Палестину, скрываясь от царской охраны. Теперь уже, конечно, не узнать, какими путями-дорогами добрался он до Земли Обетованной. Но пребывание его здесь не осталось незамеченным, поскольку он тесно общался с семьями горских евреев, а, возможно, и бывших дербентцев, которые уже проживали на тот момент в Иерусалиме и, скорее всего, были о нем наслышаны (иначе фото бы не сохранилось).

Б.Б.Маноах в своей книге «Пленники Салманасара», вышедшей в Израиле в 1984 году, на стр. 141, ссылаясь на достоверные источники, пишет: «Мардахая бен Авшалома - Дербенди и Ядидью Бен Реувена - Жарагского русские власти этапировали в Сибирь. В Израиле нам удалось узнать, что эти смелые люди бежали из Сибири и добрались до Эрец Исраэль. Мардахай после февральской революции возвратился в Дербент».

Второй раз Мардахай посещает Израиль с определённой целью - он везёт горским евреям в Палестину помощь на религиозные нужды от

Модрехай Овшолум. Снимок сделан в Израиле.

собратьев из Дербента. Но как в первый, так и во второй раз он не может долго оставаться на возжеленной веками Обетованной Земле. Его мучает ностальгия по родному Дербенту, по семье, родным, близким, друзьям. Это выше его сил, и он снова и снова возвращается домой.

На древней земле отцов
Я, надышавшись всей грудью, ожил.
Но горы высокие и Дербент мой родной
Непрестанно на ум мне приходят.

СМЕРТЬ МАРДАХАЯ

Богатырю Мардахая на свадьбе еврейской
Рукой негодая подсыпан был яд.
Народный заступник отравлен был подло.
Из этой «тюрьмы» уже не бежать.
Проклятье убийце пусть будет веками,
А слава – герою, и вечная память.

Ш. Шалумов

Августовским вечером 1925 года Мардахай Овшолум Сибири на одной из свадеб был отравлен недругами. А таковых у него всегда было в избытке и до революции, и после неё. До революции с Мардахаем хотели свести счёты беки и другие власть имущие, а после неё – их замаскировавшиеся при новой власти сородичи.

Когда Мардахая Овшолума хоронили, был светлый ясный день. В последний путь его провожал весь город. Друзья его, бондарь-поэт Шаул Симанду, сказочник-певец Хизгиё-эми Дадашев, Юсуф Бахшиев, азербайджанец Керим Алекпер-оглы, положив на плечи носилки с телом Мардахая понесли его в последний путь.

В те годы одним из лучших исполнителей песен Мардахая считался Имром Нахшунов. Когда процессия вышла за город и пошла мимо садов, певец со слезами на глазах своим сильным и красивым голосом вдруг запел его песню:

Над городом белая крепость висит,
Каменные стены спускаются вниз.
Железные ворота, чудный минарет –
Благослови меня, родной Дербент.

В горах зацвели цветы полевые,
Тюльпаны красивые, пестрые.
Они горемыкам как чёрно-белые.
Благословите меня, горы родные.

Солнце ушло, осветило равнину,
Тенью накрыв виноградный сад.
Душа моя с тобой разлучённая.
Горе познав, опустилась в ад.

Увлажнились горы живой влагой,
Цветы припорошены серебром росы.
Душа моя с телом теперь рассталась.
Благослови меня, моя любимая.

Я, Мардахай, откровенно скажу,
Что тоски и горя я видел немало.
Хлеба-соли я тоже съел в жизни немало.
Благослови меня, несчастная мама.

Говорят, когда его положили в могилу, мгновенно из белых облачков на синем небе как раз над могилой несколько минут полил дождик. Шаул Симанду, один из самых верных друзей Мардахая, посмотрел на солнечное небо и, вытирая слёзы на глазах, сказал: «Даже небо о Мардахает плачет».

Так закончилась жизнь одного из прекрасных героев – сыновей нашего народа. Прах Мардахая Овшолума Сибири покоится в старой части еврейского кладбища г. Дербента, а имя его стало символом любви к своему народу, символом чести и справедливости, мужества и самопожертвования.

ЕГО ОРУЖИЕМ БЫЛИ КИНЖАЛ И ПЕРО

Многочисленные этапы, каторжные работы, побеги изнурили могучую плоть Мардахая, но не его дух. Очень трудно представить себе любого другого человека, который после подобных мытарств и постигших трагедий нашёл бы в себе мужество, чтобы вернуться в светлый мир поэзии. А Мардахай возвращался. И каждое его возвращение становилось новым взлётом человека необыкновенной судьбы и необыкновенного таланта. Жизнь Мардахая – бунтаря и романтика была довольно трагичной и драматичной. Но вместе с тем она была полна динамизма, которым насыщена и вся его поэзия.

Г.Б.Мусаханова, кандидат филологических наук, в своих «Очерках истории 1917-1990гг.» писала: «Стихи-песни Мардахая Овшолума выдержаны в традиционной форме азербайджанской гошмы с тремя смежными рифмами в строфе и четвёртой строкой, повторяющейся в последующих строфах в качестве рефрена. Собранные вместе, они представляют собой рассказ о переживаниях арестанта, о нелёгкой его судьбе. Здесь и прощание с родными местами, с родственниками и близкими, и воспоминания о былой свободе и скорби о своём положении. Лиризм и психологизм характеризуют эмоциональный настрой его стихов».

В творчестве Мардахая Овшолума Сибири чётко прослеживаются несколько тем: тема социальной несправедливости и яркий социальный протест, тема любви к главной женщине его жизни – жене Наргуз, тема любви к родному Дербенту - его жизни, его мечты, его вселенной. И ещё одна тема появилась в его творчестве с наступлением новых времён. Он начал писать стихи – политические эссе, для достижения выразительности которых он даже отошёл от своей обычной формы – азербайджанской гошмы, превращая каждое произведение почти в призывный плакат. Здесь видно, как изменился Мардахай, идейно вырос и чётко сформулировал своё политическое кредо. В этих произведениях чётко прослеживается влияние, оказанное на поэта российскими друзьями – политкаторжанами, с которыми Мардахая довелось довольно

много общаться и дружить в период пребывания его на многочисленных каторгах в Сибири.

Воспрянем духом и ринемся в бой
В отважную схватку с врагом.
Отныне мы братья. Наш дух боевой.
Евреи, аварцы - с лезгином, гаджаром.

*«Из наставлений отрядам
красногвардейцев, уходящих на фронт».*

Без какого-либо преувеличения можно сказать, что Мардахай – это явление. Явление социальное, общественное, поэтическое. Он – один из родоначальников горско-еврейской поэзии. Очень обидно, что в своё время он не был включен в число прекрасных народных поэтов-певцов, появившихся на стыке времён и рубеже веков и ставших признанными классиками поэзии своих народов и родоначальниками поэтической культуры Дагестана. У даргинцев таковым стал Батырай Омаров (1831-1910), у кумыков – Ирчи Казак (1831-1868), у аварцев – Махмуд из Кохаброссо (1878 – 1919), а также Этим-Эмин, Щаза из Куркли и др.

В том, что значение поэтического творчества Мардахая сознательно принижалось, а имя его также старательно замалчивалось, проследживается чей-то конкретный интерес. И хотя информацией, которой я владею, уже незачем ворошить прошлое, можно с уверенностью сказать, что теперь это было убийство Мардахая как поэта. Теперь это сделали лизоблюды от писательского цеха под прикрытием тех же богачей или их замаскировавшихся сородичей, занимавших командные высоты и при Советской власти.

Именно эти лизоблюды оттесняли Мардахая, чтобы впоследствии, лишив его имени, освободить его почетное место для себя, а возможно, для кого-то еще...

И не потому ли наши бонзы от литературы ещё в те далёкие годы, прикрываясь судимостями Мардахая (заметим, царскими судимостями

ми). всячески препятствовали обнародованию его произведений и появлению их в печати, якобы опасаясь гнева Советской власти? А ведь еще в те годы стихи Мардахая можно было напечатать и тем самым сохранить для потомков.

Но они чего-то опасались. Почему же не испугался Даниил Атнилов, опубликовав в 1947 году 5 произведений Мардахая? Потому что нечего было бояться, ведь молодая Советская власть очень ценила и широко пропагандировала личности, подобные Мардахая – защитнику бедных и угнетённых.

Кто это делал? Фамилии? Доказательства?

Доказательств нет, а теперь уже и быть не может. А вот фамилии есть. Их, как и многое другое, крепко запечатлела моя детско-юношеская память.

Помню, мой отец рассказывал, что незадолго до войны, в 1939 году, к ним приехал какой-то мужчина, назвавшийся писателем. То ли для публикации, то ли для написания сценария какого-то кинофильма он забрал две самодельные тетради, обёрнутые в холстину, со стихами Мардахая. Вместе с нагрянувшей вскоре войной канули в вечность и мужчина-писатель, и тетради со стихами.

И вот теперь, по прошествии многих лет, я складываю обрывки своих воспоминаний с логическими рассуждениями и прихожу к

Овишолум, брат Мардахая

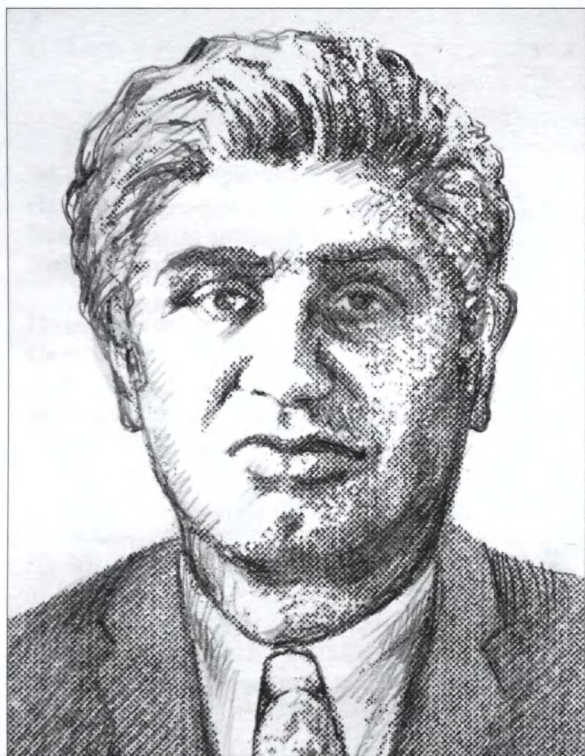
выводу, что между насильственной смертью Мардахая, небрежным отношением к его творчеству и исчезновением тетрадей прослеживается некая связь. А был ли на самом деле загадочный посетитель столичным писателем? И откуда он взялся, как узнал о Мардахая и его стихах? И вообще, для чего москвичу потребовались в столице стихи на тюркско-азербайджанском или горско-еврейском языке?

Не организована ли вся эта история с москвичом теми, кто, вначале убив Мардахая, затем хотел лишить его и имени? И если мне с ранних лет известно имя убийцы (пусть и бездоказательно), то в отношении рукописей остаются одни только вопросы и сомнения. И ничего с этим уже не поделать.

«Рукописи не горят», - сказал в своём знаменитом романе М. Булгаков. И это правда. Рукописи Мардахая «не сгорели», и имя его не забыто и почитаемо не только соплеменниками. Оно вошло во многие энциклопедии, такие как «Краткая еврейская энциклопедия» 1982 года, изданная в Израиле и в Америке, «Российская еврейская энциклопедия» 1995 года и во многие другие издания. О Мардахая Овшолуме Сибири пишут, будут писать, и процесс этот уже не остановить.

СТИХИ-ПЕСНИ МАРДАХАЯ ОВШОЛУМА

***

**СТИХИГЬО – МЭГНИГЬО
ЭН МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ**

**ЗАПИСАЛ ПО ПАМЯТИ
И ИЗДАЛ В 1947 г. В КНИГЕ
«ШОГЬИРГЬОЙ ТАТИ»
ДАНИИЛ АТНИЛОВ
(1915-1968)**

***

**КУРА ВЕ ДУЗЕТМИШ СОХДИ
ШОГЬИР
ДАНИИЛ АТНИЛОВ
(1915 – 1968)**

ПЕРЕВЕЛ – Ш.А.ШАЛУМОВ

Перед судом

Эй вы, судьи и приставы царские,
Надо мною творящие суд!
Ваши хлопоты вовсе напрасные,
Хоть и отправите меня вы в Сибирь!

Никого из вас не боюсь я давно,
Силу страсти дает мне мой дух.
Для борьбы не умрет моя вера в добро,
Хоть и отправите меня вы в Сибирь!

Но велика предо мной дорога,
И изотру в кандалах ноги в кровь,
Хоть и пощады не жду от врагов я,
Не боюсь, отправляйте в Сибирь!

Должен крепко усвоить лютый мой враг:
Огнем солнца пылает сердце героя;
Друзья окрыляют меня верою так,
Что ещё вы увидите, кто я такой!

И тогда никто вам не сможет помочь:
Ни чины ваши, ни ваши звания,
Стеною ярости всех так сметет –
Что хорошо вы узнаете, кто я такой.

И с победой вернусь я в мой город Дербент,
И поцелую сладкую землю родную.
Возликует от радости весь мой народ –
Вот тогда вы узнаете, кто я такой!

Благословите меня

В четверг судейские решили
Сослать по этапу в Сибирь, в холода.
Такое решение отверг я с презрением –
Мои дорогие, благословите меня!

Не слыл я пугливым и слезы не лил,
И вас никогда не забуду.
Шолум¹ посылаю я издавека –
Братья, родные, благословите меня!

И хотя на ногах у меня кандалы,
Но духом я крепок вдвойне.
Им волю мою не удастся сломить –
Друзья и товарищи, благословите меня!

Не переживай так, мой старый отец:
Пусть сегодня ликуют враги.
Светить будет солнце и нам, наконец –
Отец родной, благослови и прости!

Ты, грудью вскормившая старая мать,
Хоть трудно растила меня,
Могла бы, по праву, счастливою стать –
Благослови и прости меня, милая мама!

Жена, моя сладкая, Наргуз-джейран,
Дай ты просохнуть красивым глазам.
Детей моих от невзгод сохрани –
Наргуз моя верная, благослови и прости!

¹ Шолум – с языка горских евреев – привет,
пожелания мира

Букет алых роз, мои дети, надежда –
Краса моих будущих дней.
Как святыню я в сердце храню вас всегда –
И вы, меня дети, простите!

Живу в ожидании, мой город Дербент,
Вновь по старым камням твоих улиц пройти,
Вот древняя крепость, и краса-минарет, –
Дербент, моя родина, благослови и прости!

Высокие горы под солнцем сияют
Зелеными травами и лугами в цветах.
Грезы снов моих сладких сибирских тревожных –
Зеленые горы, благословите меня!

Эй, братья, эй, сестры, друзья и соседи!
Грядущего завтра лелею надежды,
Вернусь, обещаю, злу не будет пощады –
Родные-друзья, благословите меня!

Торжественно я, Мардахай, заявляю:
Лишения стойко я все одолею,
Вернусь полон сил, на борьбу призову –
Народ мой правый, благослови и прости!

В каземате

Закован в темном каземате,
Душа полна мечтой.
Хочется взмахнуть крылами
И прилететь к друзьям домой.

Достав припрятанный наган,
К нему кинжал булатной стали,
Призвать народ многострадальный
На бой решительный и правый.

Почти уж лампа затухает,
В глазах кружится сон устало.
Образ Наргуз передо мною,
В черных глазах – мольба немая.

Из приоткрытого окна
Сверкает яркая звезда,
Дает мне силу и манит,
С друзьями встречу мне сулит.

Хоть каторжанин я сейчас,
Обо мне печалиться не надо.
Надежды, помыслы, душа –
С вами, друзья мои, всегда.

Письмо из Сибири

Письмо, донеси из Сибири привет,
Всем близким в родимый Дербент,
Что помню всегда и здоровья желаю –
Скажи: Мардахай жив-здоров.

Что желанье великое встретиться вновь
С братьями, сестрами, родными, друзьями,
Песню радости спеть им на празднике смог
Скажи: Мардахай жив-здоров.

Любовь незабвенная, Наргуз – жена верная
Обо мне не печалиться пусть.
Детей приласкает, ободрит, согреет –
Скажи: Мардахай жив-здоров.

Хоть и одет в арестантский халат,
А на руках и ногах цепь железная,
Сибирь тоже – родина, как и Дербент –
Скажи: Мардахай жив-здоров.

Даже, если забудусь в тревожном я сне
Под облаками, среди сибирских снегов,
Образ друзей предо мною виденье –
Скажи: Мардахай жив-здоров.

И здесь днем и ночью конвойные лают,
Как злые собаки – с клыков яд стекает.
Однако, как крысы трусливы они –
Надеюсь, вернусь я к вам, дорогие!

В тиши сибирских морозных ночей
Будят тревожными звуками волны,
Седого Каспия слышу я гимны –
Надеюсь, вернусь я к вам, дорогие!

Ведь кроме прощенья нет мужества большего,
Дороже правдивого нет слова лучшего,
И Родины слаще ничего нет на свете –
Надеюсь, вернусь я к вам, дорогие!

Торжественно я, Мардахай, заявляю,
Шолум вам всем, друзья посылаю,
Здоровья и радости вам я желаю –
Обязательно вернусь я к вам, обещаю!

О Дербенте

Ты спрашиваешь меня, мой друг сибиряк:
Откуда я родом, и где я живу?
Тогда послушай, мой верный собрат,
Все подробно тебе я сейчас расскажу.

Далеко, далеко, у подножия гор,
Среди виноградных садов,
Медальоном разноцветных красивых ковров
Стоит Дербент – древний город мой.

Семь улиц прямых сверху в город стекают,
Железная крепость их кольцом обрамляет,
Самородком венчает краса минарет –
Вот таков он – мой город Дербент.

Там родился и вырос, и песни слагал,
Там получил от небес свою силу,
Там слабых людей от злых защищал –
Таков Дербент мой – отрада сердцу.

Корни сердца моего – там, в Дербенте,
Счастье дней моих – там, в Дербенте,
Наргуз, любовь моя – там, в Дербенте –
Оттого и Дербент в моей памяти вечно.

А когда приходит летняя жара –
Великолепная для отдыха пора,
Там гость для нас – сердечный друг –
Дербент всегда гостеприимен, мой друг.

Вода, не поверишь, холодная сладкая,
Сверкает своей чистотой.
Там осыпаны вкусным миндалем деревья –
Таков вот Дербент – город мой.

Там все люди товарищи мне и друзья.
Они живут в сердце моем.
В Сибири студеной душу греют всегда –
Таков вот Дербент – город мой.

Эз товней Дербенд

Туь эдей пуьрсире эз ме:
Коминжигеиге Ватан ме.
Гушдор гуьм эри туь ме,
Дусте хьэрмэхь эн Сибири.

Э дур, э дур, э бел догьгьо,
Э гӀэрелугь онгур богьгьо,
Э сер ранглуь сумогьгьо
Поисди Дербенд – Ватан ме.

Хьофт кучею дуз дегешдет,
Эз звер ю – гъзлей пулат,
Минореюш гьисд гӀэлемет –
Ижиреи Дербенд, шегьер ме.

Э унжиге ме шир хурдем,
Вороморем, мӀгӀни хундем,
Э унжо гъувот вегуьрдем –
Дербенд гьисди муьгьбет дуьл ме.

Биней дуьл ме – унжигеи,
БӀхд эн руз ме – унжигеи,
Нергуьз, ёр ме, – унжигеи –
Нирав Дербенд гьич эз ёр ме.

Оморенуьт гьеминонгьо
Эунжо кервуй гемигьо,
Гьуногь унжо гьисд дуст дуьлгьо –
Ижиреи Дербенд, шегьер ме.

Говгьою гьисд хиник, ширин,
Зар гуърде у э сегьери,
Бодон доргьош унжо вери –
Ижирей Дербенд – Ватан ме.

Унжо хэлгъгьо дустгьой менуът,
Угьо э дуъл ме зигьисденуът,
Хун мере гье герм сохденуът –
Ижирей Дербенд, шегьер ме.

Э гъземет

Бесдеюм э торе гъземет,
Э гъэриш дуъл пури ниет,
Воисдени зенуым гъэнет
Э асади эки дустгьо.

Офум унжо ме гьир ате,
Бесдуым гьилинж эн пулате,
Вахуьзунум могоьлугъэте
Э женг э сер эн дуьшменгьо.

Пусуз эдей тор бирени
Э чумгьо хов черх хурдени,
Чигърей Нергуьз поисдени –
Сиегъ чумгьо, гузет гьисдигьо.

Эз туьраклей эн пенжере,
Эдем дире ме астара –
Гъувот доре у дуъл мере
Эй вохурде ме э дустгьо.

Гьони дустогъ гьисдуьмгеш ме,
Воре тенги кешит эз ме.
Э ишмуревози дуъл ме –
Гьемише хьэрмэхьгьо – дустгьо.

Э пушой диву

Эй, судъегъо, пристуфгъо,
Эй ме диву сохденитгъо.
Ногъогъини хъэрекетгъо
Эй фуърсоре мере э Сибирь.

Эз екишмуш нисд мере терс,
Могълугъ дори мере нефес,
Эри женг нимуъруь хъэвес,
Эй фуърсоре мере э Сибирь.

Келеи рэхъ э пушой ме,
Гъисдигеш лап четин рэхъ ме,
Небердитгеш гъич рэхъм э ме,
Терс нист, фуърсит мере э Сибирь.

Дануьсе бош, беде дуьшме,
Дуьл ме пури гътош чуьшме,
Дусдгъо муьдуьт ерэгъ э ме –
Мивинит ишму – кинуьмге ме!

У вэхд кумек нибу э ишму
Не гъонунгъо, не чингъошму,
Гъэтлийн миём э ишму –
Миданит хуб – кинуьмге ме!

Мочъ мисохум Дербенд мере,
Ширине хок Ватан мере,
Шор мисохум дуьл хэлгъ мере –
Миданит у вэхд, кинуьмге ме!

Согъбоши гуфдирен

Руз чоршобот овурдуйт,
Дивун мере очугъ сохдуйт.
Эри ме Сибире вихдуйт –
Гъазизгъой ме, хъэлол сохит!

Терссуъз бире, нигуъруъсуъм,
Ишмуре эз ёр нифуърсуъм,
Эришму шолум муънуъвуъсуъм –
Бироргъой ме, хъэлол сохит!

Э поигъой ме вегеш бухов,
Сер ме гъич гъуз гуърде ниёв,
Э жун диеш руъхъ мидиров –
Гъовум-гъэрдеш, хъэлол сохит!

Дерд мекеш, пире бебей ме,
Шори сохденигеш дуъшме,
Эймуш товуш муъдуъ чуъшме –
Дусте бебе, хъэлол сохит!

Шир дорейгъо, дедей ме, туъ,
Келе сохдейгъо мере туъ,
Мозоллуъ гу хуъштере туъ –
Сигъде деде, хъэлол сохит!

Дусте зен ме, Нергуъз-жейрон,
Тари месох гъич чумеш, жон,
Балагъоре мегъил хъижрон –
Дусде ёр ме, хъэлол сохит!

Гъуъзуъргуългъо-Гъилгъой ме,
Рачи биёвгъо рузгъой ме,
Нум ишму де гъе э дуъл ме –
Балагъой ме, хъэлол сохит!

О, Дербенд ме, дорей гуьзет,
Уни гъэле, гьопу пулат,
Минорей туьш гьисд гӀэлемет –
Ватан Дербенд, хьэлол сохит!

Дусде догъгьо, доренит тов,
Эз гуьлгьо ве савзе гиёв,
Пурит ишму эз сур ве хов –
Савзе догъгьо, хьэлол сохит!

Эй, бироргьо–хэгьбергьой ме,
Э бугьо руз имидуьм ме,
Егъин миём экишму ме –
Гъовум–гъэрдеш, хьэлол сохит!

Мердэхаям, гуфдиренуьм,
Ме гъич дерд нис кеширенуьм,
Хэлгъэ э гъовхо огол зеренуьм –
Дусде хэлгъ ме, хьэлол сохит!

Когъоз эз Сибир

Когъоз, эз ме бер туь хэбер
Э у сигъде Дербенд шегьер,
Эри гьемме бирор-хэгьер –
Гу: Мердэхай хуби-хоси.

Эри бире хьэсретуьм ме
Эки дустгьо-бироргьой ме,
МэгӀни шори эй хунде ме –
Гу: Мердэхай хуби-хоси.

Гузет гысдгьо Нергуыз-ёр ме,
Небу тенги кеши эз ме,
ГӀзилгьоре дуыл ди эз ме –
Гу: Мердэхай хуби-хоси.

Вегеш э тен ме халат арестант,
Э пойгьой ме зенжил пулат,
Сибириш гысд эн ме Ватан –
Гу: Мердэхай хуби-хоси.

Хисиренгеш е ченд минут
Э гъэд верфгьо, э зир булут,
Чигърей дустгьо поистенуът –
Гу: Мердэхай хуби-хоси.

Инжош начальникгьо гысдуът,
Сеге хуно, равуьсденуът,
Оммо, чуьн муш, терсиренуът –
Имиди, миём ме экишму.

Э соките шев Сибири ме.
Дарафденуът э гушгьой ме
Сес эн шаргьой Каспией ме –
Имиди, миём ме экишму.

Эз сабуър гьич келете кор нисд.
Эз расди гьич хубте гоф нисд,
Эз Ватан гьич ширинте чи нисд –
Имиди, миём ме экишму.

Мердэхаям, гуфдиренуъм,
Эришму шолум фуьрсоренуъм,
Согъишмуре ме хосденуъм –
Ёгъин миём ме экишму!

**СТИХИ-ПЕСНИ, ЭПИТАФИИ, ХВАЛЫ
МАРДАХАЯ ОВШОЛУМА**

***

**СТИХИГЬО – МЭГІНИГЬО,
СТИХИГЬО ЭРИ МУЪРДЕ РУЗ МЕ, ВЭГІЭЗИГЬО
ЭН МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ**

**ЗАПИСАЛ ПО ПАМЯТИ С УСТ
ЖИТЕЛЕЙ г.ДЕРЕБЕНТА В 1965 г.
АМАЛДАН КУКУЛИЕВ
(1937-2000)**

***

**ЭЗ ГІЭРЕЙ ХЭЛГЪ ДЖУУЪРГЬОЙ
ДОГИ ВЕЧИРИ ВЕ ДУЗЕТМИШ СОХДИ
ШОГЬИР
АМАЛДАН КУКУЛЛУ
(1937-2000)**

ПЕРЕВОД Ш.А.ШАЛУМОВА

После суда

Я в дороге, Наргуз, я в дальней дороге,
Образ глаз твоих милых мне путь освящает,
Не плачь, Наргуз, прости, умоляю,
Что беды невольно на тебя навлекаяю.

Черным ресницам, печальным глазам —
Что все богатства перед их красотой?
Себя не мучай, хватит литься слезам —
Бог пожалеет, и вернусь я домой.

От горячих слёз ты портишь глаза,
Твое доброе сердце превратится в камень.
Не казни себя так, какая тут польза,
Умоляю, Наргуз, успокой ты себя.

Семь улиц Дербента старая крепость венчает,
На груди колыбелью мой город лежит.
В черном трауре древний Дербент засыпает
По дням моим черным, по страданиям моим.

По весне на деревьях цветы расцветают,
Душистым их запахом город залит,
Зря беки «бандитом» меня называют —
Я не бандит, и пред Богом я чист.

Уже распустились на ветках цветочки,
И взростеют птенчики, догоняя друг друга.
Наргуз моя, знай, не полюблю я другую –
Звения кандалами, в Сибирь ухожу я.

От ясного неба, от цветущих полей
Меня пароходом в Сибирь увозят.
А память возвращает к могилам друзей
И, горько страдая, о них я плачу.

Письмо Наргуз

Вдруг, по магалу, Наргуз моя, знай,
Пройдёт солдат, в шинельку одетый,
Ты его, как меня, приюти-привечай
И, в дом пригласив, гостем сделай.

Бедняга, быть может, завтра погибнет
От пули острой шального врага.
Могилку родная мать не отыщет –
Могилка солдата безымянна всегда.

Для солдата того сестрою ты будь,
Заплатку поставь, почистив одежду.
Как меня, ты его напои, накорми
И благословив, отправь в дорогу.

*Из наставлений отрядам красногвардейцев,
уходящим на фронт*

Сегодня утром дали приказ:
Отрядам – врагу навстречу.
О долге мужском дан сердцу наказ –
Не поддадимся мы женскому плачу.

Воспрянем духом и ринемся в бой
В отважную схватку с врагом.
Отныне мы братья – наш дух боевой.
Евреи, аварцы – с лезгином, гаджаром.

И в наших горах пылает огонь,
Беки сегодня совсем озверели.
Не знает покоя ни стар и ни млад –
Не прошайте обиды, стойко деритесь.

Забудьте лишенья, сомнения, страхи –
Нас дружбой скрепляет борьба.
Идет из Росси Деникин – армада,
Бичерахова прут изнутри войска.

Врагов уничтожив, добудем свободу –
Солнца радости лик засияет.
Перекройте повсюду бекам дорогу,
А я буду песни слагать вам.

От притеснений беков злых и свирепых
Не измерить людских потерь.
Крушите врагов, пусть они знают –
Возмездия время настало теперь.

Идите на схватку, великую схватку,
Будьте смелы, громите врагов.
Отрядами горскими умножьте победу
В борьбе народов всеобщей за власть.

Деритесь, братья, терпенье иссякло –
Хорошие дни наступят –
Бичерахов удирает в горы из пекла,
Трусливо на север Деникин бежит.

Дербент 1919г.

Двенадцать раз бежал из тюрьмы

Приходите ко мне в нарядных одеждах,
Тюремная роба наводит тоску.
Всю свою жизнь просидел я по тюрьмам,
Спокойных дней не увидев мечту.

И вот, поневоле, я, вытянув ноги,
Теперь в этой яме последней лежу.
Прошедшая жизнь пред глазами проходит,
Конечно, друзья, тут же выход ищу.

Из тюрем других, изловчившись, бывало,
Двенадцать я раз смог успешно бежать.
Меня и теперь, уверен, не сможет
В этой яме надолго никто удержать.

И сейчас вот лежу я здесь, вытянув ноги,
Чтобы думать думу большую –
Как и из этой тесной постылой берлоги,
К вам я, друзья, прибегу.

Положите кинжал на могилу

Первый вариант

Не ставьте мне камень на могилу,
И плачем обо мне себя не изводите.
Как пришел ни с чем я на землю эту,
Так ни с чем в могилу и кладите.

Надгробный камень в стенку дома вложите,
Из досок гроба изготовите стол.
И кинжал мой вы в могилу не кладите,
А положите прямо на неё.

С кинжалом рядом положите винтовку,
Может быть какой-нибудь прохожий
Даст из неё свой залп салютный,
И этим он мне душу успокоит.

Он возвестит, что жизнь еще жива
И в небе по-прежнему солнце сияет.
И наступила в Дербенте такая пора,
Что народы наши все братьями стали.

А напоследок хочу сказать просьбу одну -
От меня передайте всем людям привет.
А ещё всем скажите: «Он был поэт,
Который всегда ради правды сражался».

Каменные лица

Я видел каменные лица
Бездушные, как камни мостовой.
Я бы и сейчас, наверное, работал,
Городовым в управе городской.

Городовым тупым на службе злу,
Имей лицо тупое я такое,
Но разум дал мне Бог служить добру,
Поэтому из полиции был выгнан вскоре.

А если б вдруг я умер бы тогда –
Придет пора, мы все уйдём в миры иные.
Ушел бы в землю я тогда без уважения –
В руках у Бога судьбы все земные.

И так враги мне вслед кидали камни,
Смеялись надо мной, старались разозлить.
Те камни городские, словно огненные стрелы,
Вреда, как ни старались, не смогли мне причинить.

Не нужно больше зла, живите мирно,
Согласие и дружба движут миром.
Надгробий никогда я не любил,
Не ставьте на могилу камень колом.

Я жил для вас, вы память сохраните
И не забудьте дни тяжелые мои.
Чинару лучше у могилы посадите –
Я здесь лежу, чтоб в вашу память возвратиться.

Поэтом был – писал я песни

Поэтом был – писал я песни,
Влюблялся в девушек в молодые дни.
И в дни невзгод я восклицал: «Отлично!»,
Но могилу эту не смог я обойти.

В могилу и шашку не кладите

Второй вариант

*Записано из устной передачи
другого жителя Дербента*

Когда умру, не плачьте люди обо мне,
И надгробья не ставьте мне с надписью.
Мне не нужно и гроба, не делайте –
Войду я в землю, как по обычаю.

Надгробный камень в стенку дома вложите.
Доски гроба для стола пойдут.
В могилу и шашку мою не кладите –
Вы живы, она вам пригодится.

На могилу сверху положите винтовку.
И если прохожий даст залп из неё,
То узнают все люди – жива еще жизнь –
И по небу идут чередой облака.

А еще пусть узнают все люди в Дербенте,
Что народы дружны, стихли стоны и хай.
Потому я прошу вас: в дружбе живите –
Ведь за это сражался дядя ваш – Мардахай.

Хвала моему кулаку

Пять пальцев у меня, пять отдельных пальцев,
Если сожму их – будет кулак.
Для врага мой кулак – это камень тяжелый,
Для тебя же защитой будет, бедняк.

Если врежу кулачищем в рожу жирную бека,
Физиономию мироеда расквашу.
Если вдарю невзначай кулачищем по столу,
Этот стол раскрошится на части.

А если кулак мой в глаз гадине ткнется,
В огненное крошево он превратится.
Но если погибнет от злого бека бедняк –
И родные бека справлять будут траур.

Кулак Мардахая не знает покоя.
Не знают покоя и мироеды от страха.
Будь спокоен, бедняк, ты под защитой,
За правду твою всегда постою я.

Кулак, разжав пальцы, ладонью вновь станет,
Чтобы волосы милой нежно погладить.
Покоя не знает рука Мардахая –
Рука мужчины такой и должна быть.

Хвала моему петуху

Петушок мой! Характеры наши схожи,
Как и я, повидал ты много боев.
Не был спокоен, не пролив вражьей крови,
Не победив в борьбе всех других петухов.

Никогда свою кровь не пролил ты напрасно,
«У-у-у...» - будил кукареканьем ночь.
Я тобою горжусь, как всегда, друг, безмерно,
И кормлю тебя самым лучшим зерном.

Всей душой уваженья, почёт и славу,
Выражают в слободке соседи тебе,
Оттого что ты, петушок мой, ни разу,
Никем еще не был повержен в борьбе.

Ты был, как хозяин, всегда храбрецом,
И хоть героев в народе не судят,
Знай, когда рассержусь, хоть ты был молодцом,
Осужу, как хозяин, когда время придет.

Осужу на заклятие, и, как прежде в бою,
Ты геройски прольешь свою кровь.
Но теперь для меня ты потрудишься вновь,
И хорошим бульоном украсишь мой стол.

Хвала моему кинжалу

Кинжал мой! Ты не сгубил даже курицы,
Не зарезал барашка для друзей на пирах.
Сработан ты мастером в Туле иль в Курске,
И другом мне верным стал в наших горах.

Украшеньем к бешмету висишь на бедре,
И висишь украшением на стене, на ковре.
Знаю: назначение твое – высверкнуть вмиг –
Страсть твоя, цель твоя – жизнь в борьбе.

Придет твое время, насытишься кровью,
У каждого дела есть время свое.
Не вина твоя все же, кинжал мой и вправду,
Что пока, как хвост бычий, висишь на бедре.

Знать тебе нужно, мой верный кинжал –
Придет все же время вскинуть тебя,
Чтобы пролилась бекова темная кровь,
За спокойную жизнь человека труда.

Враг бедняка мне врагом был всегда,
Знай, мой кинжал, я всегда начеку.
А время лихое настанет в горах.
Тогда поработаешь без стеснения на славу.

...Время пришло – уничтожен пристав,
Еще взмах кинжалом – уничтожен и бек!
Почему же кинжал мой, от стыда покраснел так,
Понимаю: зла до сих пор ты не сделал и птице.

*Даглане эри э довгто
рафденигьо лешкер*

Имбуруз себэхь буйругъ дори
Э душмеревоз бэхьс эй берде.
Бирор-хьэрмэхь, гуш медорит
Э гирей зенгьо нарне бошит.

Э дуьл хуьшде гуж воноре
Э сер дуьшме игид бурайт.
Эз имбуруз – руз бирори бири –
Джууър, авар, лезги, гъажар.

Э дигьойму г'этош дери,
Бекгьо гьони лап делуь бири:
Келе-чуйклере динжи нисди, -
Гъагьре меилит – бошит тири.

Э сер дуьшме хунлуь бире
Гьемме-еки игид бурайт.
Бичерахов эз дорун эдей оmore,
Деникин – эз лой эн Урусиет.

Душмере куьшде, мозол биерит,
Сифет офтоире очугъ сохит.
Мегьилит бекгьоре сэхьиб бире, -
Эз тозе рузгьо гъэлхэнд поит.

Бирор-хьэрмэхь, муьхькем поит,
Ме эришму хунум мэг'ни.
Сэр душмере эз бугьоз бурит,-
Гьово гуьрде сере меилит.

Эз гуж бураи бэде бекгьо,
Э чуым фэхьле глэрс вебири.
Бекгьоре куьшит – данут угьо –
Вэхд кивити генеш омери.

Вэпичит, дустгьо, терс недануьсте,
Хубе рузгьо эдей оморе
Бичерахов э дорун эдей вирихде,
Э лой софун – Деникин рафде.

Дербенд, 1919 сал

Когъоз эри Нергуьз

Дан туь, Нергуьз, эз ён магал,
Шинель вери салдат, рафтге,
Мере хуно, туь уре дан,
Гъуногъ сохде, э хуне дэбер.

Кидан у фердо куьште миёв
Эз тиге гунлей эн у дуьшме.
Э ён гъоврей ю дедей ниёв –
Гъоврей салдат сэхьибсуьз бире.

Эри у салдат хэгьер бош туь,
Партале шуьште, пелуь Вени.
Мере хуно, дан уре туь,
Лово хосде, э рэхь деки.

Туьфенгеш э сер гьовре нит

Нист воисте мере гиридешму,
Нист воисте мере син нореи.
Эз деде чуйтам ме биремге,
Э гьечуь денит мере э хори.

Эз сангъ эн син хуне вокунит,
Эз тахтегьо шульхьон сохит.
Ханжелмереш э гьор меденит –
Э сер гьорме ханжеле венит.

Э ён эн ханжель туьфенгеш венит,
Бигьил giroшдегор эз ён гьовре
Туьфенге вегуьрде туьфенг зенуь.
Туьфенге зеренки, ме мидануьм.

Чуьнки зиндегуни зуьндеи гьэле,
Э асмуш гьэле офтои вери,
Чуьнки э Дербенд кор ники бири –
Гьемме хэлггьо бирору бири.

Е минетиймере воисдени гуюм:
Гуит эз ме шолум э гьилгьо.
Гуит диеш: «У бири шоир,
Эри расди бэхьс бердигьо!»

Э гъоврей ме шушкереш ме денит

Нисд воисде ме муърденки-данит –
Гирье гирит ве син эри ме нит.
Нисд воисде эри ме тобут сохит –
Ме э гъад хори э гъечу мидарам.

Эз син эн мэ дувор хунере нит,
Тахтей тобут – эри шульхьон мивою
Шушкоймереш э гъорме ме денит –
Ишму согъит – ишмуре у мивою.

Тапанжеймере е сер гъоврейме нит.
Бигил гирошдегор тапанжере зере
Гьемме еки дануьтгу «Ёшов не дорей гит»
Ве э асмуш буьлуьт гешде сери-сере.

Бигил дануьтгу хэлгъьо, чуьнки э Дербенд
Хьэрой сокит бири –
гъэмме милетгьо бирет бенд.
Хосденуьм эз гьемешму – бошит дуьлешор –
Лелей Мэрдехай бахьс гирди эй и кор.

Двазде гиле эз гъэземет видовустем

Биёйт э ён ме партал ишмуре утув зере
Вокурде партал тусногъире
ишму мере терс медит.
Собсогъе гъуьмуьр нуьштем э тусногъ,
динже рузгьо гъич не дире.
Имогъой инуьм – э и тусногъ
пой дураз дегешдем ме.

Эз у тусногъёо игидлугъ бире
двездегъ гиле видовустем ме.
Мере э инжош, э хъисобовоз,
екиш гуърде гъич нидануь.
Пойгъо дураз дегешдем ме
ери келе фикир сохде,
Чуьтам эз и песини тусногъ
э ён ишму видовум ме.

Вэглази э товней хэнжель ме

Хэнжель ме, туь кергеш не куьшдей,
Бугъоз евереш не бурай туь хасд.
Э Тула еде Курск сохди туьре усто, -
Э и догъгъойму гъимогъой эри ме туь гъисд дусд.

Э и бешметме туь эри рачи вери,
Ве еде э дувор э руй раче холинче?
Ме дануьсденуьм – кор туь гъе эз зури
Гъисди кор куьшде ве еде гъэрече.

Миёв вахт эн туьш, эз ху туьш мибоши-ки
Лап сирои – гьер кореш вэхд ю гъисд.
Эйчуь-ки туь, хэнжэлье, эз расдеки.
Э куьшд ме дулуьлуьни, чуьнки дуьм эн хъирс?

Вогъисд, туь дан, хэнжэлье, э догъгъо
Омоге вэхд туьре вешенде –
Микуьшуьм, бура ме бугъозгъой бекгъоре, -
Воисд фэхъле хилос бу эз оворе.

Дуьшмей фэхле – дуьшмей эн ме бири.
И коре дан, хэнжэлме, эз расди.
Кор кивити омоге э хори
Туь мебош гыч гIэйблук-ки у взхд.

...Вэхд ю омо – ме куышдуьм пристава,
Хэнжэл зере, куышдуьм ме гъэзёбе кахбереш.
Эй чуй у взхд туь гIэйблук бистори, хэнжел?
Туь э гIумуьртуыш е керг-евереш не дорей гъэжел.

Вэглази э товней хуруз ме

Хуруз ме, гылигъ иму ухшеши.
Э гиль эн ме туь амбар бэхс гирдей.
Те хун дуьшме рихде, туь не дирей динжи,
Туь гьемме хурузгьоре э бэхс-ки бердей.

Хунтуыш э ногьогъи гьегенеш не рихди,
«У-у-у» - зере, туь шеве сугдум сохдей.
Келегеди эн ме эз гьемме зиёдтей,
Ме доре хорогеш, туь тэмэхълук хурдей.

Эри туь хьуьрмет, ловогьо ве шолум
Хэлгъгьой эн и магал эз дули фуьрсорет.
Чуьнки туь, хурузме, бирей-ки лап зуьлуьм, -
Э бэхс рафтеки туь сийсуьз гыч не бирей.

Сэхьиб хуышдере хуно, бирей лап игидлук, -
Бэхс бердегоре халгъ дивун гыч не бура, -
Оммо ме, сэхьиб туь, биренки гIазоблук
Дивун мибуруьм-ки, эри туь эз бугьоз гъэгьре

Вэхд омоге, дан-туьре эри куыштейме
Хун хуыштере, туь бире лап игидлуй,
Гьегенеш мирихини, тейте дик бире, -
Суьфрей мере тук туь гьегенеш мисохи.

Вэглази эри муьшд хуынде

Пенж энгуышди мере – пенж энгуышд.
Гьэд сохдуьмге пенж энгуышде – муьшд бире.
Эри дуьшме келе муьшдме – сангъ бире,
Эри фахъле муьшд Мердэхай – дусд бире.

Эз чоьгъэ сифет чоьгъэ бекгъо зеруьмге
Ногъчулогъгъой беде бекгъо сов мибу.
Муьшд мере эз сер шуьлхьон зеруьмге,
Эз у шуьлхьон соьге жиге нимуну.

Муьшд Мердэхай эз чуьм нехов расиге
Тэхьэр тегьерг платош эз чум тож мибу.
Оммо фэхле эз гуж эн бек жу доге –
Муьшд Мердэхай рузгъой овиль син мибу.

Овиль рафтге, муьшд Мердэхай - муьшд мибу,
Сер эн беке гьич недура нипою.
Дуьл фагъире хуьрд сохде гьич ниду,
Эри расди гъурбу бире мипою.

Муьшд Мердэхай лов биренге дес бире,
Дес биренки – муйгъой ёре совусте.
Дес Мердэхай гьич динжи ние дире, -
Дес эн игид гьочу бире воисде.

Нэгдүгээр мэдлэг

Гичиш нидануь одоми генгидиме дире
Ве ширини эн уре синемиш сохде.
Песдеш Бие джууьру боворин доре
Э гоф Худо дошдугу э дуьл кор расдире.

Гичиш нидану одоми э хьофтуьмуьн
тебагь варафте
Ве э унжо э ён Худо нефес кешире.
Песдеш бие джууьру Худоре хосде
Верзи доре гофгьой тироре.

Салгьо мирафт, пуьрсире не дануьст,
Хун сан имуш гьувотсуьз мибу,
Оммо хатгьой тироре э дуьл дендге
Ме боворинуьм – рэхьм Худо мибу.

Эзу салгьо белкем ме мидануьм
Чуьиге расдий генгидим.
Диренге данит – мэглни мухунум, -
Чунки ужиреи Ёршолем.

Эз ёр иму эз тухум те тухум
У генгидим гьегенеш дери.
Ёршолем ме хуьрмет мидуьм, -
Эн рагь – ришейму гьисд у хори!

СТИХИ-ПЕСНИ МАРДАХАЯ ОВШОЛУМА

***

**СТИХИГЬО-МАГІНИГЬО
ЭН МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ**

**ЗАПИСАЛ ПО ПАМЯТИ
В г.ДЕРБЕНТЕ В 1965 г.
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ
БОРИС ГАВРИЛОВИЧ ГАВРИЛОВ
(1908-1990)**

***

**КУРА ВЕ ДУЗЕТМИШ СОХДИ
Э ЗУУЬН УРУСИ
Э ДЕРБЕНД Э 1965 САЛ
БОРИС ГАВРИЛОВИЧ ГАВРИЛОВ
(1908-1990)**

**В ТОМ ЧИСЛЕ ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ, КОТОРЫЕ
ЗАПИСАЛ ПО ПАМЯТИ С.ЮСУФОВ:
УХОДЯ, ПРОСИЛ ПРОЩЕНИЯ
ПИСЬМО ИЗ ЦАРСКОЙ АРМИИ ДОМОЙ
ПИСЬМО НА СВАДЬБУ СЕСТРЕ**

ПЕРЕВЕЛ Ш.ШАЛУМОВ

Уходя, просил прощения

Не выбрасывай из сердца меня,
Наргуз моя, красавица жена.
Унесло меня полой водой
В сибирские таежные края.

Ласкаются соловьи в ветках роз,
Поют друг другу о любви.
Жизнь отдам за тебя не раз –
Любимая, меня ты прости.

Черные ресницы, губы-шербет,
Во взгляде печаль и тревога.
Калитку сада садовник закроет –
Милая, прости ради бога.

Сорвал я утром душистый цветок,
Чудный сад мой полон плодов.
Если дочь у меня – сухая ветка –
Ну как сказать: простите?

Посылаю вам издалёка привет,
Я сажу за столом, а в руках перо.
Здесь свою жизнь я закончу, быть может –
Отец и мать, простите за это.

Древний Дербент – ворота железные,
Сверху крепость, внизу море синее.
Путеводный над городом белый маяк –
Прости, Дербент, моя родина милая.

В груди камень сердца растаял вновь,
Бог исполняет наши желания.
С вами, друзья я делил хлеб и соль –
Друзья и родные, меня вы простите.

Запестрели горы полевыми цветами,
Цветами алыми, желтыми, белыми.
Я по белому черным пишу эти строки –
Кавказские горы, меня вы простите.

Разносили слухи недруги разные...
Вокруг города все сады виноградные.
Тамадой я бывал частенько на праздниках –
Простите меня, сады зеленые.

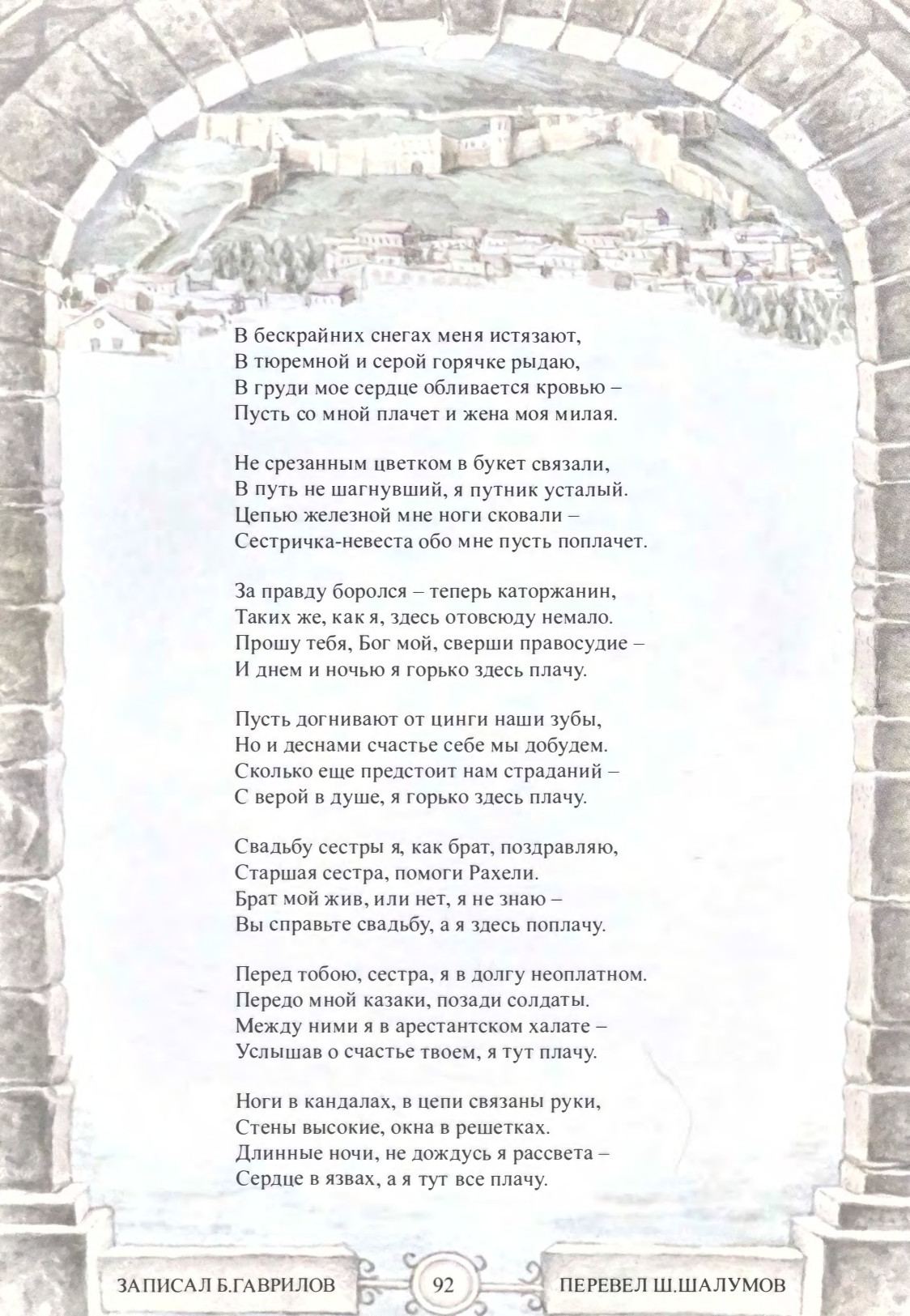
Я вернусь, непременно, к тебе, мой Дербент,
Хлеба-соли твоего не забуду.
Рассчитаюсь со злом навсегда, и тогда –
В колючих розах твоих запою, как поэт.

Письмо на свадьбу сестре

Привет донеси, моя весточка, маме,
В радости дни пусть меня вспоминает.
Тут горькие слезы я лью на чужбине –
За несчастного сына пусть мама поплачет.

От меня нету помощи, мама и сестры,
Бог меня бросил в самый кипень огня.
Готовьте мне саван, себе черные одежды –
Плачьте, родные, как я за вас плачу.

В бескрайних снегах меня истязают,
В тюремной и серой горячке рыдаю,
В груди мое сердце обливается кровью –
Пусть со мной плачет и жена моя милая.

Не срезанным цветком в букет связали,
В путь не шагнувший, я путник усталый.
Цепью железной мне ноги сковали –
Сестричка-невеста обо мне пусть поплачет.

За правду боролся – теперь каторжанин,
Таких же, как я, здесь отовсюду немало.
Прошу тебя, Бог мой, сверши правосудие –
И днем и ночью я горько здесь плачу.

Пусть догнивают от цинги наши зубы,
Но и деснами счастье себе мы добудем.
Сколько еще предстоит нам страданий –
С верой в душе, я горько здесь плачу.

Свадьбу сестры я, как брат, поздравляю,
Старшая сестра, помоги Рахели.
Брат мой жив, или нет, я не знаю –
Вы справьте свадьбу, а я здесь поплачу.

Перед тобою, сестра, я в долгу неоплатном.
Передо мной казаки, позади солдаты.
Между ними я в арестантском халате –
Услышав о счастье твоём, я тут плачу.

Ноги в кандалах, в цепи связаны руки,
Стены высокие, окна в решетках.
Длинные ночи, не дождусь я рассвета –
Сердце в язвах, а я тут все плачу.

Пусть справедливости буду я жертвой,
Я не преступник, за вас я сражался.
Завидую птицам в небе парящим –
Надеюсь, вернусь и от радости плачу.

Мардахай из узлов и мозолей весь связан,
О, Боже, ты разве не видишь все это?
Какой страх на земле и мучительный стон –
Помоги, Бог-спаситель, на тебя вся надежда.

Песня во время болезни

На чужбине, быть может, я заболею,
В могилу возьмет меня смерть.
Меня по обычаю пусть похоронят –
Только жаль, песен больше не петь.

И вот, в вонючей больнице Иркутска,
Лежу от болезни скрутившей меня.
Лежу весь побитый тюрьмой и судьбою –
Уж очень далеко родная земля.

Не смогут помочь мне ни мать, ни сестра,
Ученые друзья из России врачуют.
И чутко дежурят у ног до утра –
Глаз не сомкнув, у постели ночуют.

Домой донести бы последнюю весть,
Безжалостно, крепко меня заковали.
Тяжело сознавать: близка моя смерть –
Раввин заупокойную не прочитает.

Каторжане меня на плечах понесут
До могилы и марш похоронный споют.
Друзья мне и очи закроют, и гроб –
Не плачте и вы, услышав про это.

А если там с Богом увижусь, спрошу,
Почему, дав нам жизнь, не дал нам покоя.
Загоняет молодыми до срока в могилу –
Насладиться не даст нам счастьем творения.

Ох, в какие плохие времена я живу,
Боюсь оборвется моя жизнь на чужбине.
Свое пусть Бог пишет в тетрадках небесных –
Друзья мне здесь очень, надеюсь, помогут.

Среди каторжан я своих не чужой,
Друг для друга мы братья родные.
Мардахай я и библию тоже прочел –
Как друзья не поможет и библия.

Мать в мою смерть ни за что не поверит,
Ждать с нетерпением домой сына будет.
Смерти своей я ни чуть не боюсь –
Не бойтесь и вы, услышав про это.

Толпой, словно люди, плывут облака,
Надо дожидаться нового века:
Века грядущего, века надежды,
Родимого берега, неба Дербента.

Так пусть же не тешутся недруги наши,
Воскрес я в Иркутске, бока отлежавши.
Не умер, не похоронен, еще полон сил –
Домой обязательно вернусь я здоровым.

Письмо из царской армии домой

Кто слышит слова мои, тот пусть услышит,
Дербент вспоминая, я горько плачу.
Все богатства мира ничего не значат, –
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Семнадцатого июня зачитали приказ,
Записали в солдаты и дали наказ:
Идти полками врагу навстречу, –
С Дербентом прощаясь, я горько плачу.

Несчастные семьи солдатские в трауре,
Узнав о призыве, кто стонет, кто плачет.
Не дай Бог, кого в солдаты запишут, –
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Такие приказы нельзя выполнять,
Всю свою жизнь мы терпели, страдали.
За богачей не должны батраки воевать, –
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Я плачу, плачу, рыдаю и плачу,
Везде ищу друзей своих, найти не могу.
Солдаты несчастные, жалкие очень, –
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Письмо отправляю домой с приветом,
Пусть ответят: как они живут.
Солдат, где б ни видели, приветьте, –
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Мы ели дома хлеб из зерна,
А тут он черный, как смола.
Солдатской бурдою кормят насильно, –
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Солдат унижают и бьют беспричинно,
Кто перечит – получит наряд.
Лишь птицы только летают свободно –
Хотя бы они пусть увидят Дербент.

Написали в Россию царю челобитную,
Может, там нас поймут и помогут.
Ох, до чего же начальники злые тут –
Струей текут слезы и горько я плачу.

В Дербенте тоже не гулял я, трудился,
Работал в садах с утра допоздна.
В солдатах теперь я ничтожный козявка, –
Цветущие сады вспоминая, я плачу.

Невыносима жизнь на чужбине солдату,
Умоляю Бога свершить правосудие.
Скорее обнять бы сестер и маму, –
Родных вспоминая, я горько плачу.

Суть этих слов заложена в корне,
Не могу открыться даже друзьям:
Эта война из-за комариного писка –
Женщины Дербента теперь горько заплачут.

Не смог написать царю я куплетов,
Личность его недостойна поэту.
А ведь эта война никому не нужная –
Старики Дербента теперь горько заплачут.

Солдат на войне бесправен всегда,
Обреченному на горе не найти гнезда.
Достойное имя не уронит мужчина, –
Дербент вспоминая, я горько плачу.

У царя-императора жалости нету,
Не стоит наша жизнь ни гроша.
Молодые гибнут без счета на фронте –
Посмотри, что творишь, царь! Раскрой глаза!

В проклятый день моего призыва,
Барабаны повсюду надрывно стучали.
Не Бог нам хотел войну на погибель –
Войну хотел наш царь кроважадный.

В кутерьму штыковую кровавой атаки,
Кидают нас в пекло гореть.
Командиры орут на нас как на скотину –
Под самурайские пули швыряя на смерть.

Еврейские магалы – улицы узкие,
Целыми семьями косит война.
Новобранцы друг другу родные, близкие –
Красавицы Дербента теперь горько заплачут.

Как же нам поступить, о, Великий Боже,
Молодым саваны всё шьют и шьют.
И как нам быть с царем кроважадным –
Пусть враги Дербента по одному все умрут.

Если есть начало, то будет конец,
К отчизне любовь не иссякнет.
Перекрасим мы белое знамя царя
Вражьей пулей в цвет нашей крови.

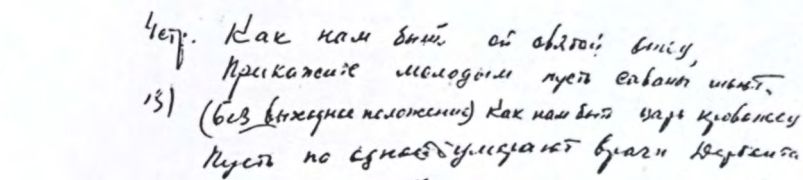
- 167) (Мертхай пишет из царской армии
многого делов)
- смиравшие. быть внимательные к словам,
дубинке и впамятке крепко плечу.
- 1) Искнее всего мира небыло для меня
судить и вспомнить крепко плечу.
- плечу, плечу रहा корню плечу
Ищу друзей не плечу вдова себя.
- 2) Сидят это сидят сидят сидят
дубинка и вдова. . . .

- Итого 17 лет Записали нас
у нас были друзья сидят сидят
Не дай бог сидеть такой дубинке
дубинка вдова. . . .
- кто сидит, то сидит сидит
(как в тюрьме сидят сидят сидят)
- В тюрьме сидят сидят сидят
Не дай бог сидят сидят сидят.
- дубинка и вдова. . . .
- 2) сидят сидят сидят сидят
Мя сидят, а сидят сидят сидят.
Вдова сидят сидят сидят сидят.
- дубинка и вдова. . . .
- дубинка сидят сидят сидят сидят,
дубинка сидят сидят сидят сидят.
- 3) сидят сидят сидят сидят
сидят сидят сидят сидят сидят
дубинка и вдова. . . .
- дубинка сидят сидят сидят сидят,
дубинка сидят сидят сидят сидят.
- дубинка сидят сидят сидят сидят
дубинка сидят сидят сидят сидят.
- (сидят сидят сидят сидят)

Четр. Как нам быти ой ахтой: бышу,
Прикажице мелодии путь евангел, иже.

15) (без выхреня положени) Как нам быти царь кривоселу
Путь по евангелию иже благаи востане.

х
И пишу илию оеиовах

19) Не могу до смерти, даже дружба
Вот это война да коша —
Место тутко дано старик востане.

х
Еврейские малыи, змичи, уздеи.
20) Салдаи редо в дур-дурру оеио близки.
Наши епархии томе русские
Плате редо красавицы мурбелл,

х
31) Зовути Знани накрасти ил
Чтоб не было красти того
Вратская пил иже нам кроби
Плате в нас мнущи дубелл.

Грубо.
написано
в
книжке
и
в
книжке

Записано в книге
Воскресения в прасную прова

507. Нисыно на свѣтѣ нѣсе.

Всетага, нѣмь Сасаиъ нѣседе

1) Пути в дѣи весело бѣспѣнотѣ, нѣмь.

2) Гурьма нѣседе нѣмь и в гурьбѣмь
Нѣсастнѣиъ дѣ, нѣмь нѣмь нѣмь.

х

2) Тотъ нѣмь опудѣиъ в плашки огнѣ,
Нѣсастнѣиъ нѣмь и нѣмь дѣиъ нѣмь
23) Рукѣ нѣмь дѣ не дѣмь дѣиъ нѣмь
Нѣмь дѣиъ и нѣмь нѣмь дѣиъ нѣмь.

х

3) Вотъ нѣмь, нѣмь нѣмь нѣмь

24) Рѣдѣ нѣмь на колѣнѣ
Внѣмь нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь
Нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь.

х

1) Нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь, нѣмь

25) Нѣмь нѣмь нѣмь, нѣмь нѣмь нѣмь,
Нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь,
Нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь.

Нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь.

х

1) Нѣмь, нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь
26) Нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь
Нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь.

3) Нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь
27) Нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь
Нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь нѣмь.

(нѣмь нѣмь нѣмь)

- 6.7/ Поздравляю сватку Вашу, поздравляю ^{мне}
 7/ Старшую сестру по имени Розину: ^{мне}
 23/ Братья мои или кто не ^{мне}
 Вручил сватку а я здесь пишу.

х

- 8/ Круг сестру а кто в дому
 23/ Одет в арабский халат.
 Кругом много Казаки, а сзади сватки.
 Умчал о всем этом в дом пишу.

х

- 9/ Руки сватки, кто в кандалах
 30/ ^{сидит в кандалах} кто в кандалах
 Ноги длинные не доходят до пола
 Вручил в кандалах а все я пишу.

х

- 10/ Утром рано поутру много в доме
 31/ Круг и буду петь в арабском халате ^{мне}
 Наряд, ^{мне} еще Вас навестит
 а. счастливы и с радости пишу

х

- 11/ Мадаха: все сватки в узлах ^{мне}
 32/ Мы рабы не бываем, с вами
 Какое с вами не знаем и какой страх.
 Любимая наша, Кругу за все пишу.

8 сст.

- 5) Мать не повзрослеет, будет всегда
39) Со слезами как ~~блестящий~~ ^{мелкая}
Слезы и не суть не боюсь
не боюсь и Ветр если услышите.

- 6) В лаву в жару Прхутек
40) Уматер и сестре нет в близе мент,
Болезни свирепая мент, и
Ученые друзья вокруг меня на помощь.

- 7) Молодежь на пирах уныла
до мочи марш пораженный слез.
8) друзья и оги и злат закрывает
не боюсь если услышите это.

- 9) Ох, какие тихие времена живу
боги обожествлены этими мент
10) Пусть для меня все
друзья мне здесь очень помогут.

- 11) Не жалею и друзей друзей
12) И совет совет для мент друзей.
Надихай пролет и и видится
и боится не поможет как друзья.

- 13) Вино обилие в городе человека
Каждый докладчик нового века
14) Раднее мент, и раднее беднее
В будущем и обилие будет друзей.

-10-

- 8) Ох, во гольови пугилии,
без санине нощ, мушкетерске,
гудне сри, гудне крст
брата, сестро црковне мие.
- 9) В горах вкупен помирне шито
они алтес и розовке,
по белому гирани Запекани
дубинским изди црковне мие.
- 10) Болио ходи млади робине
В обичаих биваи и сон (руководица, тапета)
Всудри горах вои сади
Цветуцим сади црковне мие.
- 11) Младарки сам гудит
Сини с мачи не раскити
Клет - саме Болио мачи
мача ратни црковне мие.

СТИХИ-ПЕСНИ МАРДАХАЯ ОВШОЛУМА

***

**СТИХИГЬО-МАГІНИГЬО
ЭН МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ**

**ЗАПИСАЛ ПО ПАМЯТИ В ДЕРБЕНТЕ
НА РУССКОМ И ТЮРКСКО-
АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ
ПОЭТ**

**СЕМЁН ДОНОВИЧ ЮСУФОВ
(1899-1961)**

***

**КУРА ВЕ ДУЗЕТМИШ СОХДИ
Э ЗУУЪН ДЖУУЪРИ ВЕ
ТЮРКИ-АЗЕРБАЙДЖАНИ
СЕМЕН ДОНОВИЧ ЮСУФОВ**

В ТОМ ЧИСЛЕ ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ, КОТОРЫЕ

ЗАПИСАЛ ПО ПАМЯТИ Б.Г.ГАВРИЛОВ:

- 1. УХОДЯ, ПРОСИЛ БЛАГОСЛОВЕНИЯ,**
- 2. ПИСЬМО ИЗ ЦАРСКОЙ АРМИИ ДОМОЙ,**
- 3. ПИСЬМО НА СВАДЬБУ СЕСТРЕ.**

ПЕРЕВЁЛ Ш.ШАЛУМОВ

Дорогая, будь со мной,
Молодая, будь со мной.
Со мной ты горе раздели,
Иль любовь отними.

***

Бумага в столе, говорят.
Глазки Хумор уже спят.
Целиком во власти сна
С Юсуфом встретилась она.

Письмо из царской армии домой

Кто слышит слова мои, тот пусть услышит:
Дербент вспоминая, я горько плачу.
Все сокровища мира меня не волнуют:
Дербент вспоминая, я горько плачу.

От тоски и горя покоя лишился.
Везде ишу друзей своих, найти не могу.
В солдаты отдал, чтоб от меня избавиться.
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Семнадцатого июня нас всех записали
И зачитали перед строем солдатскую клятву.
Уж лучше б никогда мы тех слов не слыхали.
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Слова услышав эти, войдёт тревога в дом,
И заплачут все тогда от безысходности.
В тяжёлом положении оказался город мой,
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Написанные приказы не приходят в срок в войска,
Возвращаются ударами на свои же плечи.
На головы красавиц города обрушилась гроза.
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Побросав свои дома, оказались на чужбине.
Кто теперь на чужой стороне нам поможет?
Кто услышит – пожалеет, кто увидит – заплачет.
Дербент вспоминая, я горько плачу.

В отчем доме ели хлеб, сухой, белый.
А в солдатах едим хлеб сырой, чёрный.
И кормят всегда бурдою солдатской.
Прошедшие дни вспоминая, я плачу.

Солдат-новобранцев тут всяк избивает,
А если что не так, и на виселице вздёрнут.
Буду жертвой твоей, летящий в небе соловей,
Ты и не ведаешь, как я горько здесь плачу.

Я плачу и плачу, тоску не развеять.
Написал в Россию – а вдруг кто поможет.
Увы, вспоминая друзей и товарищей,
Из глаз текут слёзы, и горько я плачу.

Герой своей бедностью не озабочен,
Не озабочен милостью и царь наш своею.
Гибнут солдаты – командиры жируют.
Вот и сижу тут, рыдаю с тоскою.

Уваженьем в Дербенте я был окружён.
В сады ходил, гулял, отдыхал и влюблялся.
В солдаты ушёл – в сироту превратился,
Цветущие сады вспоминая, я плачу.

Проблемы солдатские неодолимы.
Молился, просил, умолял я Тору:
Скорей разрешились бы наши проблемы.
Мать, сестру вспоминая, я горько плачу.

Вторая песня из царской армии

Ход мыслей царя постичь невозможно.
Поговорить, объяснить с ним – невозможно.
Освободиться от приказов его – невозможно.
Пожалей нас царь. Несчастные мы.

А запишут в солдаты, и Бог не поможет.
Несчастливым не делай народ этот ты!
Открой же глаза, и побойся ты Бога!
Пожалей нас царь. Несчастные мы.

Солдат на войне бесправен всегда.
Обречённому на горе не найти гнезда.
Вспоминают молитвой его брат и сестра.
Пожалей нас царь. Несчастные мы.

Лодку жизней молодых перевернуло в море.
Уродливую землю изрезало их стонами.
Я перенесу и тоску эту и это горе.
Не пожалел царь лодку. Несчастные мы.

Третья песня из царской армии

Молодых на войну каждый день забирают.
Барабанная дробь раздаётся опять.
Те удары ранами сердца надрывают.
Красавицы Дербента горько заплачут.

Как быть нам теперь, о, владыка державный?
Молодым ведь саваны всё шьют и шьют.
Это наш царь войны организатор.
Пусть враги Дербента по одному все умрут.

Суть этих слов в самом корне заложена.
Не открыть своё горе даже друзьям.
Войну он затеял из-за комариного писка.
Старики Дербента теперь горько заплачут.

Евреи магала дерутся с врагами,
А кому-то уже и саваны шьют.
Влюблённые девушки стали сиротами,
Теперь горько заплачут невесты Дербента.

Цвет лица молодых от горя темнеет.
Не успев доцвести, увядают многие.
Луч солнца, коснувшись, тотчас добивает.
Ох, как страшно погибают герои Дербента.

Уходя, просил благословения

Не выбрасывай из сердца меня,
Красавица любимая моя.
Унесло меня потоками воды.
Любимая, меня благослови.

Соловей сел на стебель цветка,
Быть хочу с тобой рядом всегда.
Не коснутся хулой тебя зла языки,
Любимая, меня благослови.

Цветущие розы связал я в букет,
Чёрные глазки шлют мне привет.
Не остановит садовник идущих в сады!
Наргуз, любимая, благослови.

Сорвал я ранним утром цветок,
В саду посадил, и он дал росток.
Одна дочь у меня - сухая ветка -
Как мне просить: благослови?

Шлю я вам привет в письме.
Стул впереди, перо в руке.
Если я здесь умру, простите,
Отец и мама, благословите.

О, братья, товарищи, друзья дорогие!
Не уснуть мне в эти ночи горькие.
О, сёстры мои чернокудрые, милые!
Братья и сёстры, благословите.

Огнём растопило сердца камень, -
Обратился я к Богу с мольбой.
Хлеб и соль мы часто ели с вами,
Друзья и товарищи, благословите.

Над городом белая крепость стоит,
Каменные стены спускаются вниз.
Железные ворота, чудный минарет.
Благослови меня, родной Дербент.

В горах зацвели цветы полевые,
Тюльпаны красивые, пестрые.
Но горемыкам как чёрно-белые.
Благословите меня, горы родные.

Вечерами я под луною гулял,
На торжествах я тамадою бывал,
Гулял по утрам в саду городском.
Благословите меня, сады цветущие.

Солнце ушло, осветило равнину,
Тенью накрыв виноградный сад.
Душа моя с тобой разлучённая,
Горе познав, опустилась в ад.

Увлажнились горы живой влагой,
Цветы припорошены серебром росы.
Душа моя с телом теперь рассталась.
Благослови меня, моя любимая.

Я, Мардахай, откровенно скажу,
Что тоски и горя я видел немало.
Хлеба-соли я тоже съел в жизни немало.
Благослови меня, несчастная мама.

Письмо на свадьбу сестре

Донеси, моя весточка, маме привет,
Чтоб на свадьбе сестры про меня не забыли.
Дочь-невеста теперь в чужом доме живёт,
Я опечален, несчастная мама заплачет.

Бог меня бросил в самый кипень огня.
В красивые глазки жених наш влюбился.
Не достанет рукой, жаль, до брата сестра,
И душа опечаленная сестрички заплачет.

А приснитесь во сне, вряд ли я уцелею,
Дрожь пойдёт по коленам, всё внутри разболится:
Из одного глаза слеза, а из другого – кровь польётся.
Лицо печальное сестрички моей заплачет.

Не срезанной розой я связан в букет,
Дорог не прошедший, я путник усталый.
Семьёю не связанный, обессилен вконец.
Сладкое личико сестрички заплачет.

Я теряю сознание от слёз бесконечных,
Ищу – не найду ни мать, ни сестру.
И сколько желаний в душе неисполненных.
С тоскою в душе сестричка заплачет.

Я тут арестант, дни чернее ночи.
Помоги мне, Боже, в эти тяжкие дни.
Тоскую о том, что сестричка чернявая,
Меня днём и ночью вспоминая, заплачет.

Поздравляю сестру со свадьбой счастливой.
Рахиль наша сразу теперь повзрослеет.
Был брат у неё или не был, забудьте.
Сказав: плохая дорога у брата - заплачет.

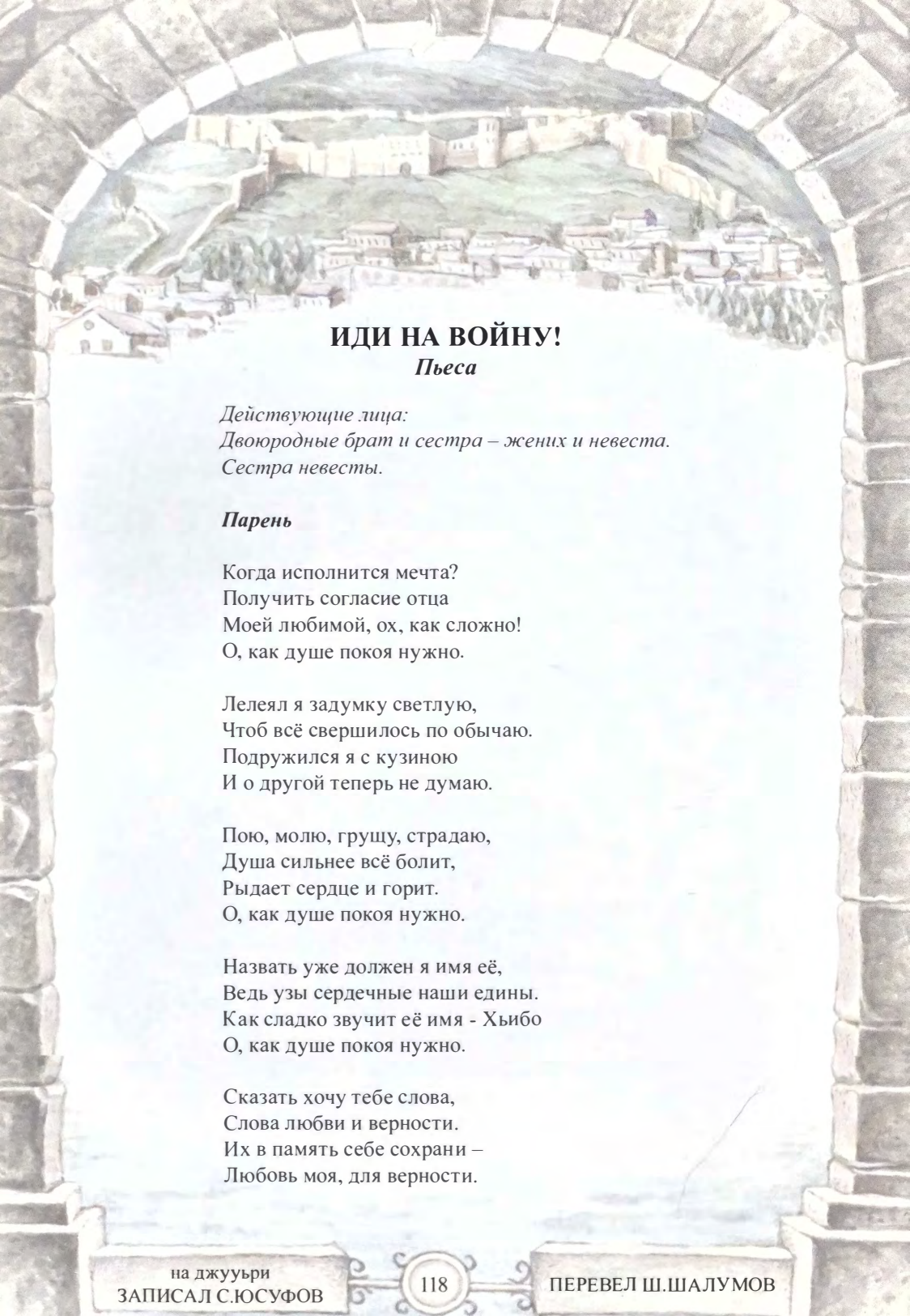
Перед сестрой виноват я, в долгу неоплатном.
Я надел на себя полосатый халат.
Впереди охрана, позади – солдаты.
О моём горе узнав, сестричка заплачет.

Руки скованы цепью, на окнах решётки,
Ночь длинна, не наступит утро никак.
Сердце потухло от страданий долгих.
Я доволен: пусть сестричка счастлива будет.

Сел на ветку соловей по утру у окна,
Моё тело накройте белым саваном.
Одна душа у меня, да будет жертвою она.
Жена сладкая, любимая моя заплачет.

Я, Мардахай, под горой той родился.
Для вас я пожертвую душой и телом.
На чужбине сгинул семьи опора.
Лицо печальное Наргуз любимой заплачет.

ИДИ НА ВОЙНУ!

Пьеса

Действующие лица:

Двоюродные брат и сестра – жених и невеста.

Сестра невесты.

Парень

Когда исполнится мечта?
Получить согласие отца
Моей любимой, ох, как сложно!
О, как душе покоя нужно.

Лелеял я задумку светлую,
Чтоб всё свершилось по обычаю.
Подружился я с кузиною
И о другой теперь не думаю.

Пою, молю, грущу, страдаю,
Душа сильнее всё болит,
Рыдает сердце и горит.
О, как душе покоя нужно.

Назвать уже должен я имя её,
Ведь узы сердечные наши едины.
Как сладко звучит её имя - Хьибо
О, как душе покоя нужно.

Сказать хочу тебе слова,
Слова любви и верности.
Их в память себе сохрани –
Любовь моя, для верности.

Утренней розочкой милое личико,
Зубки, как капли росы.
А свежие, сладкие щёчки Хьибо,
Вот такая красивая ты.

Вдруг утром рано узнаю,
Что идти я должен на войну.
Не пугайся, мама-джан,
Благослови меня в дорогу.

Молоком меня вскормила,
На груди меня взрастила.
Пусть не плачет и сестрёнка,
Идти я должен, мама-джан.

Не терзай же мою душу,
Сестричка плачем неуёмным.
А если весть придёт плохая,
Не убивайся ты за брата.

Из кровавой бойни этой
Возвратятся не все домой.
Умоляю я вас, люди:
Идти я должен, благословите.

Девушка

Не срезанной розой связалась в букет,
Прикипела к твоей богатырской стати,
Новость узнав, исстрадалась вконец.
Иди на войну, мой родной, ты.

Всё плачу и плачу, и слёзы лью,
Вовек слов твоих не забуду.
Я в сердце своём их все сберегу.
За нас будь спокоен, иди на войну.

В разлуке с тобой, любимый, родной,
Потеряю от горя рассудок я свой.
В свидетели небо и землю беру.
Ты, мой любимый, иди на войну.

Уход твой – глубокая рана на сердце.
Горька моя жизнь, даже яд будет слаще.
Но даже сгорю если, крика не будет.
Возвращайтесь живыми, наши родные.

Дерись же с врагом, не роняй своё имя,
Люби свою Родину сыновней любовью.
Пиши мне почаще – в огне моё сердце!
Возвращайтесь живыми, наши родные.

За тобою вслед ухожу санитаркой,
Накинув на голову платочек мой красный.
Одобрят невесту, не осудит обычай.
Идите, идите, возвращайтесь скорее.

Парень с фронта

Пожелание мира от всех тебе, Родина.
Отдадим силу рук своих тебе, Родина.
Ты и мать, и отец нам, милая Родина.
И сахара слаще земля твоя, Родина.

Мы вместе победу добудем в борьбе,
Вы – там дома, ну а мы – на войне.
Мы свою честь никогда не уроним
Для великого имени – Родина!

Пройдут холода, и мы победим,
С праведным гневом не справится враг.
Вдрызг разобьётся неправда об правду,
И крепко мы держим в руках наш флаг.

Возьму в руки перо,
Напишу вам письмо.
А если долго не будет вестей,
Уже значит помочь мне не сможет никто.

Письмо прочитав, обо мне вы поплачьте,
Любимой последнюю весть передайте,
Сестре помогите жизнь обустроить.
Не вернусь я, быть может, пропаду на чужбине.

Четыре пули – кровавые метки,
Смертельные раны – награды в бою.
И если б я смог, то в набат бы ударил,
Чтоб знали все – близко к смерти стою.

Накинет мама чёрную шаль,
Надрывным криком зовя моё имя.
В чёрный траур окрасится ясная даль,
О коротких днях моих возвестя.

Девушка

Неустанно глядят глаза на дорогу,
В ожидании письма от любимого.
Отец должен дать согласие дочке,
Заливаюсь слезами в надежде на это.

Разве найдётся другая невеста,
Что будет день-ночь о тебе слёзы лить?
А теперь меня ранило в самое сердце
Вот это посланье твоё роковое.

В неизвестности тают душевные силы,
За тебя я отдам свою жизнь.
Даже крошечке хлеба не дам зря пропасть я:
Бог услышит меня – невредимым вернёшься.

Сестра девушки

Не изводи себя думами тяжкими, мрачными,
Терпеливою будь. Уваженье к себе сохрани.
Весть ошибкой быть может, и он вовсе не ранен.
Ведь твой брат и мне брат, сестрёночка-джан.

Девушка

Его весть прочитав, слёзы горькие лью.
Его раны мне рвут сердце болью.
Его муки тяжёлым недугом во мне.
Я надорвала хребет свой, мой жених-джан.

Парень

Победу не плачем, делами творят
Услышав ваш плач, враг будет рад.
Твоими слезами ничему не можешь,
Иди по делам своим, невестушка-джан.

Девушка

Вчера ночью во сне исстрадалась вполне.
Места живого на мне не осталось.
Помоги же нам, Бог, в нашей страшной беде,
Я надорвала хребет свой, мой жених-джан.

Парень

Я знаю, как тяжела эта весть,
О беде моей всей округе известно.
Успокой своё сердце: такова твоя участь.
Дело двигать вперёд, джан-невестушка, нужно.

Девушка

Глубоко залегли в мою душу бальзамом
Слова твои окрыляют надеждой.
А каково страданье бедных наших мам?!
Справедливы слова твои, жених-джан.

А когда ты с победой вернёшься домой,
От былых твоих ран не останется следа.
Отец уже дал нам согласие своё –
Погуляет на свадьбе родной наш Дербент!

(Эз салдайн мардагэй)

Эшинтэнлэр гылогдосын сузуме,
дербенз ёдуме дүшүб ёмон огълерен,
динель моли тьиз гурунмез гурзуме,
дербенз ёдуме дүшүб ёмон огълерен.

1

огълерен огълерен хышым гитиш убушмизен,
ахдеруб топпинел ошне дусси ёнушден,
салдайн ёдуб эл гуринурдун жонунмиз,
дербенз ёдуме дүшүб ёмон огълерен.

2

Оюн ун еженде ёдунлар буги,
гобогъимурде ухунгилер салдайнурдэ сузи,
тьиз иннеонлар эшинтэмесын бир беле сузи,
дербенз ёдуме дүшүб ёмон огълерен.

3

Эшинтэнлэр бу сузи шувел дүшүн эвине,
унурдэ огълегилер юз элгине,
эжеб гуринурдун дүшүн дербенз шувелне,
дербенз ёдуме дүшүб ёмон огълерен.

4

Туркази ёдиге тиймешунир твущине,
твепёзен ёзумилир телер инеонмочун боши
дербенг твездилери. Булуи кетсифилер боши
дербенг ёдуие душуб емон огълерен.

5

Етирзил эвимувун тездирзил тбер ерге,
неже дулакирег твериб ерлерге,
эшигилер рехъмивуьз кетсун твурен са:
дербенг ёдуие душуб емон огълерен.

6

Атламуьзун эвинне нердиг сорз твурен,
салдатне твигенге тюруб твере твурен
твужиннен идуьрун буьге салдат хурен.
Кетин твун ёдуие душуб емон огълерен.

7

Салдатне твигилер тух тух дуьгубуьр,
твир кве бошкермеди доре такуьлуьр,
сене твурбон ой утин буьл-буьл,
ёр хеварин билуьбен миегин огълерен.

8

огълерем огълерем гьыт ксе ёнмез дозуме,
ёзгум урвемизе белкен ёнмаша дозуме,
ошма дуге думишме менум ёзуме,
гьузлерумден ёш охубен не емон огълерем. ч.

9

Ишиг южечу улмез гирифдор улмез,
назгогымузгум урелинге рехм улмез,
гух одамлер пуг улур жангармлер улмез,
умде гьнурумден зорикен шувен огълерем. ш.

10

Фербенз ишиме эркин гедиргуми,
богълер гидибен кейрон эдиргуми,
салгайе гиденге фогъир догизгуми,
гьуллуб богълер ёзуме думшуб огълерем. ш.

11

Салгайлуш ишлерн ким богълерер уни,
ёлборуми шорие кетдубререн бугзи,
тезлугинен енушдуререн бугуми гьулуни,
ошма богъи ёзуме думшуб емон огълерем. ш.

12

Э мичи, эу салган
Пазгогучи дедони туте билменуг,
гуьдубен уни гуьре билменуг,
гьелгьини буьругьини тухе билменуг,
Рехьм иле пазгогичиугуьз езуьдур биде.

13

Салгане гуьндерев сене бокмиз иложе,
гел езуьз илме бу хелги гьулеге,
отубен гуьзлеруби бир бок алмеге,
Рехьм иле пазгогичиугуьз езуьдур биде.

14

Салгане гиденлерчи улме гьевген,
гуьшменлер дер бедер таинилмег евоси,
уклери озине гуьшменге акосини божис.
Рехьм иле пазгогичиугуьз езуьдур биде.

15

Эндирмеси жогьиллери гьемини,
уилери шелбиси кесер эриш гьемини,
мен гьелурем бу дердериш гьемини,
гьемине Рехьм иле езуьдур биде.

16

3. ич/и эл саясийи
Бу не керемет гувнег ндундун,
негборсен гьер бир ёне дувгубун,
уренеинде юрчб ехдилер яралинди,
инди ёмон огълер гувдилерин дербандун.

17
Бир негме эйлеер ой бевубог охун,
буюрди тогиллерин кесенин ндундун,
иллож юхтур бир хункоге бохун,
гдундун бир бир уйлеуин урушмилер дербандун.

18
Бу суглерин ~~дур~~ ^{ёзур} бинсен увеге,
дерген билдурмег ошнее гуге,
буг довлорлер улубдур бир милек увеге,
инди ёмон огълер тогиллерин дербандун.

19
Ёлбузилер малал урур куге куге,
кимлер дукубдур бир хуруз беге,
севдилерин толуб неге неге,
не миленин огълер гвизлер гелинлер дербандун.

Жувон дери тухуб ренги,
Сорудур гухелер ишилмез ренги,
Губбиле дериб убуние кугдур менги,
Не емон кут урди илдилерин дерибеси.
21

Колъоз фуреори э э/ерубеи хельсхубше

Колъоз, менен салан анар амане,
туй итинде мени ёзден айтмешен,
тиз ёшли Волгуем твериб эвлерде,
тирифдорем бехсенз анем огъмешен.

1

Фремс мени салуб ашгич айтмеше,
твирлер сурбубилишим бу элени वोше,
тубики элурм гаймеш твельди твирсине,
тубуб жокунде, дегдубе гилер огъмешен.

2

Юху тубреем энс еумдубеумден тубуккулур,
лерз тидер дигден тинубен текилар,
бир тубузунден вон бир тубузунден еш тубуккулур,
убзи дегдубе тубде ёрум огъмешен.

3

Тубузубеумден дегдубилишим дегдешен,
юловтием юл гитмешим хедешен,
хидметлинем богдмешим бешешен,
убзи гелин ширин божум огъмешен.

4

Огъледуем огъледуем гъушум гитъи убъдучи,
Эхдерубъ тапмеди анна божни ёнумден,
Неге шероитлер гъолди менуми жончус.
Шоероит жонден гъолми ёрум огълесун.

5

Убъдучи дучеводем гъушуми гъере,
Омон аллахъ бу дурдучи бир гъере,
Минетучи у гур гъере гъуз ёре,
Гетже гъундучи мени дучуб огълесун.

6

Минборек улечу еубъ бошмек ичубуеуз,
Рехъилле Риликъ бевуеу улечу божни
Гъердони улди гъит улмек билмек,
Не нисе гъохум вор мени дичуб огъле

7

Божни ёзине мен улмишек хижалек,
Ичуми гъеймишек ахъеинде хелек,
Гъобогъум гъеребулдир далимжон салди
Хебечу дурдир ширин божум огъле

8

Гьонум бозлуи митжерем галар,
гелсем узундур гьит улмез селер,
фьрегум дур суьнуьб гух улминим гьех
гух разием гьогъи ботми гелмем.
9

Селер селер буьл-буьл гьунер бу гьогъе,
бир жонум вор суьде гьургьон селге,
т'екелиф эймиреуьзми микде гелсем гьуно
уьзи бехреуьз ширини ёруи огълесуьн.
10

Куьбозум гелуьб ухуьминим эрзими,
гьит килиуьм юхуьр, ана дилим суьзуми,
гьогъремум сел сел селек т'анширени
хебер дердур ширини балам огълесуьн.
11

Мерзехалим бу дубуьлмуьл бугьогъуми,
суьде гьургьон улеуи дуйруьзуми жонум,
пуг улди эблудум эбуьм уьт'огъуми,
уьзи дерзли кертиз ёруи огълесуьн.
12

Озишди ол менге,
ёшди сенге ол менге,
е бу дурдими ширик ул,
е муьльбети ол менген.

13

дир коьбозум пьунидир,
хумор пьузум юхуидир,
теме де экибеллук,
мироз вери юсудир.

14

Э Петерли Нубеуеси

Цере цуьз уьезуьве ёзерем салам,
динёти мали цуьзуюме цуьз ~~еллер~~ ^{елон} целур,
сене эмонейт цолеути бир жевон балам,
белкен аллагын релиминен целур.

15

Цериб ерлерге белкен дуьшдучи ц/даре,
целур ме мениннен юлзати мадаре,
Мельуцудейт югьуьлур цибдурчи уьезе цуьз,
Китоблер элине малламел целур. ^{цезере}

16

Эвицудучи ёнинге ким цидеро кебере,
бимурбейт салги мени жибуре,
цогучицуд цердестеуьз белкен цитиьун ^{цибуре},
Кимлерцур ёнуме еволе целур.

17

Цухуме дуьолли манулмеьз малламел,
Аллагын ёнинге нуг улмеьз едучиьуьз,
динёсези дуймеьз цитиьун цунучиьуьз,
чи кир мин кир, цибуре еуфале целур.

18

Уни узмерин юмере зболе,
Марол кимис ерхоу улуз тумерсе зболе,
Юсуф пейгембер кимис зукмере зболе,
Суйтан улеи хебер мадоруси гелир.

19

Менуи элум уздулди ержуи мерионе,
Анаини ботми танилмеу ёнумде,
Чезор элмечоб жоне збурсу салики,
Элимердур ёнуме кумеге гелур.

20

Хевонлер мвни. Тилнинге алуи,
Звебурунм уседе тиллуге мугомон илу,
Жоброил гелуб зугуми алуи,
Мусо пейгембер элине чесо гелур.

21

Эмеб хераб улди менуи змонуми,
Динёлуси кесиди менуи зумонуми,
Аллагуи ёнинге улсе дивонуми,
Иброгилм пейгембер ёнуме кумеге гелур.

22

Үзериблербүй эҗинде гун җолур җәсероһи,
 кимлер Һикер мәнүмингун эҗирейхейҗән,
 Мердекем җисүминем мусо Һабраһи,
 мусо пейҗәмбери релымнен җелур.

33

җогде җекидәб иҗеонҗи еҗероһи,
 суһеймон пейҗәмбери наҗгоһу халҗән,
 дон. еинейе веруҗи мусо Һабраһи,
 хәердеде бир гун шәмбени җелур.

34

Э рафзетин хьеллбо хоеде

Церелувзетин салме мени,
губзет ерун гьелал эйле,
апарзетин еглер мени,
менгум ёрун гьелал эйле.

1

Бур-бур гьукер гьул бургозде,
сине гьурдон жон сегозде,
гелмежикъ гил гьидозде,
сегил ёрун гьелал эйле.

2

Гьургьулгьули гьукер дееде,
гьере гьукер лебу нуседе,
бондон гьукме бондун гьуседе,
гьергил ёрун гьелал эйле.

3

Бир гьул гьергьум себеч селер,
бонди эгьум ази белвер,
бир гьургьум бор гьурин гьелвер,
неже гилеи гьелал эйле.

4

Үбөдүбүдүр ёдөрөм салам,
убодуб уетуб элге үбөм,
бимең улмең бекем үбөм,
аһа аһа үбөл эйле.

5

Убохе тигеи ой убохилер,
юхум үлмең дөрг үжилер,
үбөре согул ой божилер,
божи үбөргөм үбөл эйле.

6

Эрилүбдүр дам үрөгүм,
аллаһаңа гүбүһи гилегүм,
сүбдигини илн гүрөгүм,
оһке гүсүм үбөл эйле.

7

Фербинг үбөри оһ үбөмөң,
дигүр уоһу дам бөргөң,
бир үлөмөңдир микорөң,
ваһаң дербинг үбөл эйле.

8

Фогларине бийиҗи лале,
бири гьиринги бери оле,
гьирлигьб сулги олди гьере,
дербенг догьлер гьелел эйле.

9

Гелге гелер х гьером ёлди,
межлиелерге гелер солди,
гьилигьб эрмеде шери ботди,
гьилигьб догьлер гьелел эйле.

10

Мердегелл мен гинешелл,
ёрден камуи алмашинелл,
гуз гьирелгьбугуи гух еминелл,
гьелин аном гьелел эйле.

11

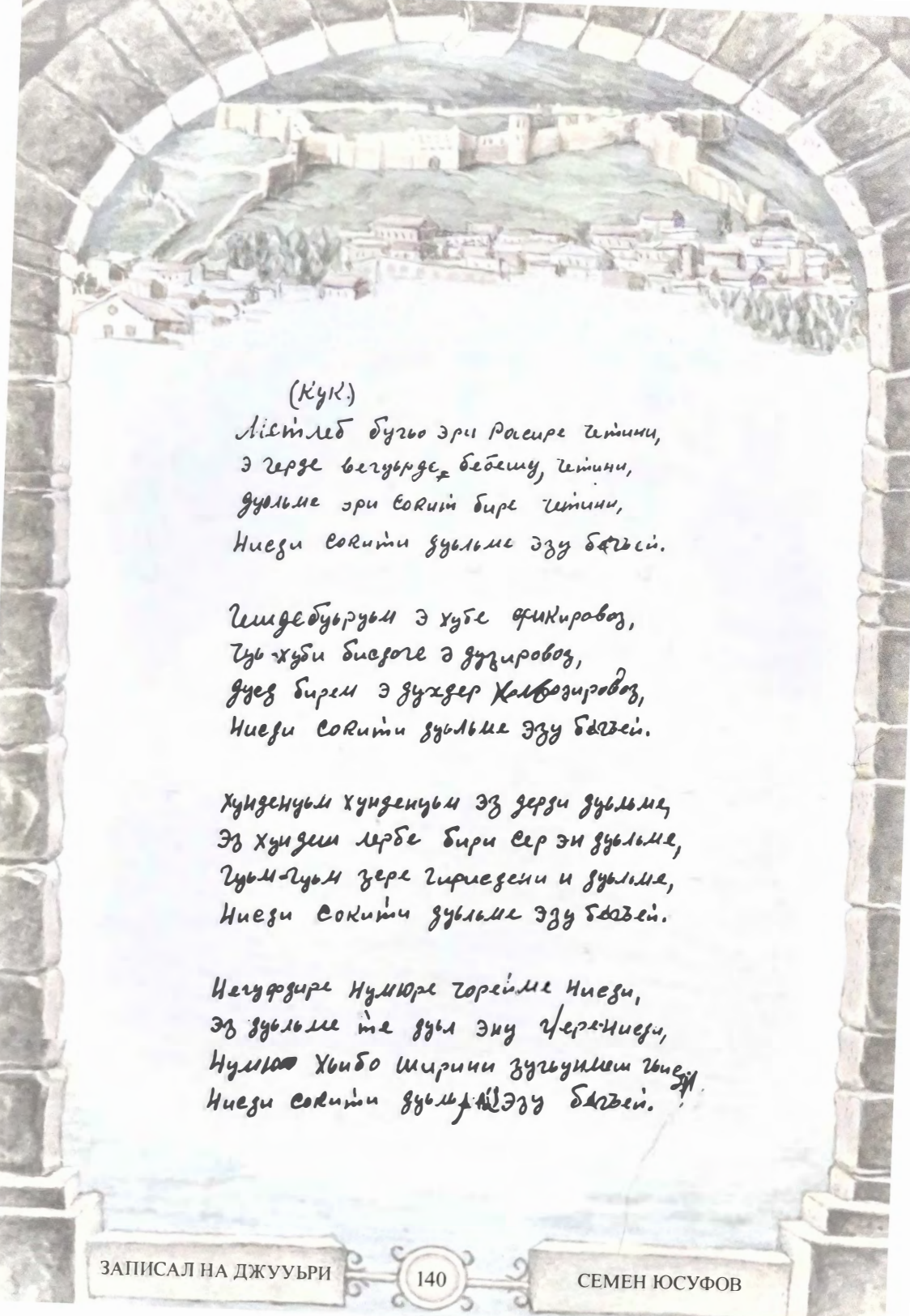
Эйи еминелл гьинешелл
Юсуфов, емин доковит.

Юсуфов

Гор. дербинин Буйнакск 30/5

апрель, 1, 1965. — А. К.

(Кук.)

Айтмалб бугао эри Росири Уттини,
Э терге белугде, бебешу, Уттини,
Дуольме эри Сокинй буре Уттини,
Ниеди Сокинй дуольме эзу бадзей.

Умдебурзум Э хубе фикировоз,
Ты хуби биегоде Э дугировоз,
Дуге буре Э дугдер Халбозировоз,
Ниеди Сокинй дуольме эзу бадзей.

Хунденуым хунденуым Эз дегди дуольме,
Эз хундеш мэрбе буре ер эи дуольме,
Тум-Тум тере турнедечи и дуольме,
Ниеди Сокинй дуольме эзу бадзей.

Нелуфдире Нумюре торейме Ниеди,
Эз дуольме те дум эму черкниери,
Нумлаа Хонбо ширини зугууном тиеди,
Ниеди Сокинй дуольме эзу бадзей.

(Кук не гучеро)

Кук! Тугам туюм тофтооймаре этүб,
 гуче соймишиме түб,
 тофтоойме едитори эритүб,
 гуче соймишиме түб.

гучеро! Турнеде турнеде Черее мирисунуц,
 турфуретбойтүбаре ме доумуц мисоац,
 еттеки э дубилме техки мисоац,
 түб хабери Чериде соймишиме түб.

Кук! Эри рофде э тбооко тберсундимиц,
 э тберинуй дубилме батанилиц,
 э ёрнүб орофде туронде ругзипнүц,
 нүбиде мелирие соймишиме түб.

гучеро! Нешинобусудиле ширине сеетүбаре,
 Зетхер мисоац, тбеме хурдгаоймаре,
 шогвоф турзипнүб аему не хорире,
 буря моч Чериде соймишиме түб.

күгэ! Шовдори бирейнүгэ гүбүгүлүгү хуну
 ухшети гүбүгүлүгү мэрмоохуну
 гүбүгүлүгү рагс бир хуну,
 ини гогхойме рагс соймимиле нүгэ

дугэ! Гүбүгүлүгү хуну четири гесдиан,
 э у дугулиде галойнүгэ ме бегдиан,
 хебере минувуде анбар хесдиан,
 дуга, дуга, гезиде соймимиле нүгэ.

(духдер)

Омон ой нуу рафденинги ер дуулам ларбе мид,
Эз имбугуу хурденине не эгдү не ширин мидү,
Ауви зере зере су гурдугулени эне хасрой нидү,
рафденинги бурайт согз саламет шор биёвошил.

рафде уинго нумтүре бери нул меех,
Э бул гоффоробоз ватане доуриун меех,
дир дир когдоз нуьвуседе дууламое хыл меех,
бурайт бурайт согз саламет шор биёвошил.

Уингу рафденине мекунум эз мол гдирини,
Мен рафде мидошум е духдер ~~халасуу~~ ^{халасуу},
буьдугуне мекыугз ватанне мидошут рази,
бурайт бурайт согз саламет биёвошил.

(Кур)

Тувикт мь рафзени Бисдорум,
Хьелол сохит эмэ жон дзеи,
Шиновуеде сереон Бисдорум,
Хьелол сохит эмэ хьон дзеи.

Эз э ндигуинойтучь терм шир дорейт мере,
Э сер сипре еикейтучь реле сохейт мере,
Тум церен мегвил у едугде хьезамере,
рафзени Бисдорум хьелол сохит жон дзеи.

Э и рахь дуратго тейин мегоргу,
ини цезице сойминиме э мейгу,
гофзаймере тувинийн э и мейгу,
Хьелол сохит мь рафзени Бисдорум.

Гирнеде гирнеде и дубдымере хьел мьсох,
гофзаймере шиновуеде мере фозрмун мьн;
Эмэ е хьедар оморь воре гире сое,
Хьелол сохит эмэ хьейер рофзени Бисдор.

Эхов дирине дубл ишму мильердоев,
ме варасеудимем готевойм ти вароев.
Кимилбо микендуб, Кимилбо мильердоев,
согъбошир мон дегей ме роукин Снегов

(хүс эз салгагч (зовчо)

Шолуи эг үлсүймү гүрдэ эри батан,
 Үзүбэй Үзүлгөөмүгэ мидийн эри батан,
 Үлс бэбэ Үлс гэдэг дүдүрэг батан,
 Эг мекерин ширин ховчуг жон батан.

Э бодхо ~~бодхо~~ рафде роре э нушо берин,
~~бодхо~~ бум не еоде бумуи гурд,
 Иму инжо Үбөхө, ишму унжо берд,
 Эри үзүгэйтүгэ нум, нум эн батан.

Хичики рафде гүшмэ медиров,
 Э нигдөө мейдү гүшмэ нивороб,
 Э нушой рагди гүргү бирин лове лоб,
 Э гүдэ рэхэ дерин рэхэ иму жон батан.

(Кул расул дуринге нувбусе)

Велуге гелме муьнуьбусеуьме,
Белки небесе э тарат ишлу релме,
дурлу бисго нувбусе гелме,
данин ки де торе келмиди эрме.

и Когводе хунденге эрме туренин,
э соймишме тофгоймерс барасуини,
хегвермере э метлебисо мирасуинт,
Белки не оморчи уьжмет кубинди эрме.

Туниле расире эх тор тарат мербенингу,
едигор юре э хуьшдероваз берденингу,
э ёрме оморинге бурьчон зеренингу,
ишмичи данин уьжмет кубинд дурн эрме.

Федейму э сер сипи сипи бледугу,
нуммере гурде гурде херой сохугу,
и Когводе эришуг едигор гурьчонгу,
ишире барас, ругубо кутлах
эрме.

(духдер)

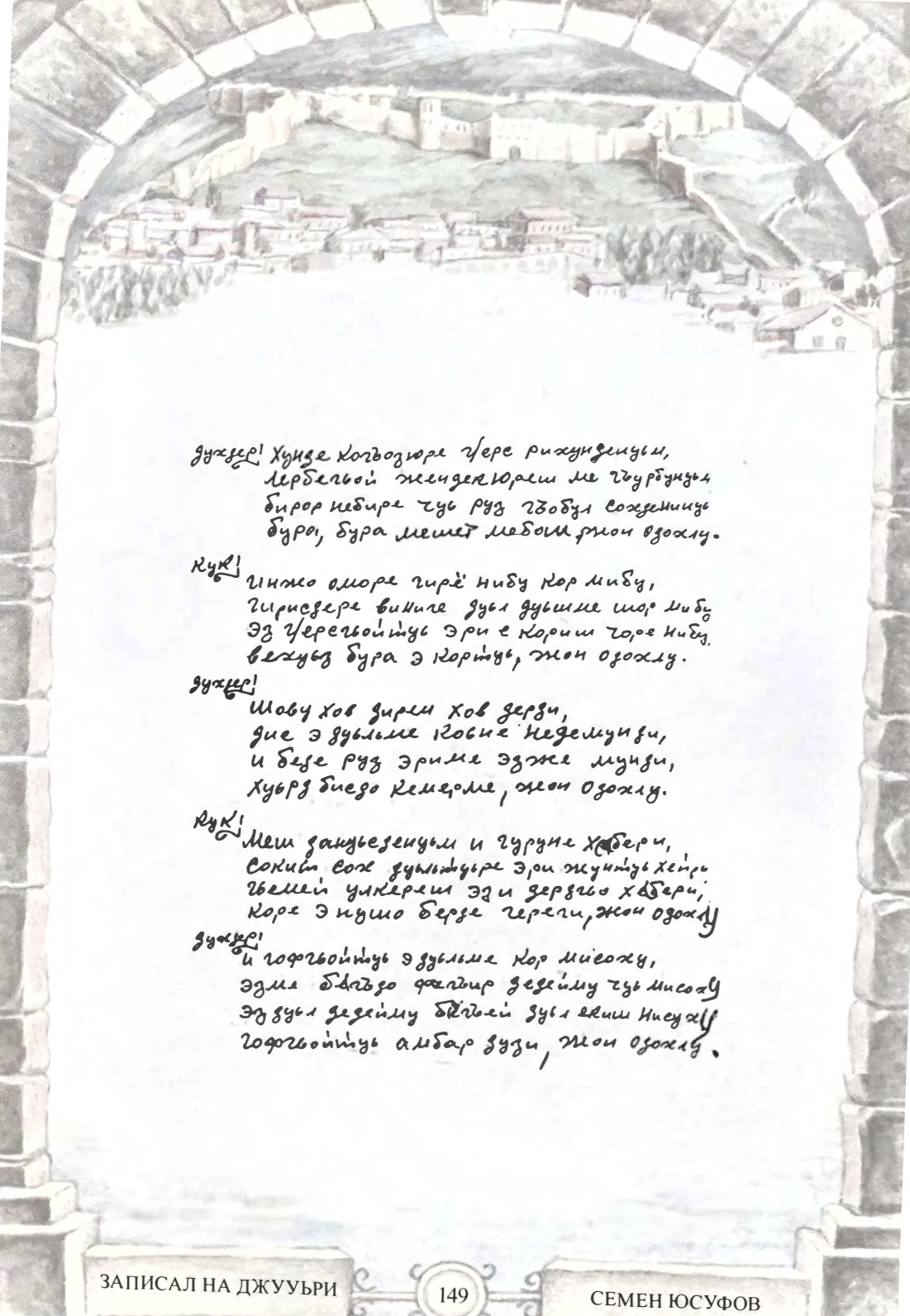
Үбисди бегем мере оуно гъамлуь,
Нозори мере нум эи озохлуь,
Сохди мере нъуь эгъуи Яралуь,
Хбсероинъуьм эри эню Когъодинъуь.

Тубинминъуь Туминъуь эрѣхь мидъ,
Когъодинъуь Кебиринъуь кеде туб мидъ,
Бегем беде эгъуи бегинъуь духдер мидъ,
Хбсероинъуьм эри эню Когъодинъуь.

Э болхадъуь гъувоинъуь мере мидъуьм,
Э жингелъуьм жиндере мидъуьм,
Е суьмидъуь нурет ме зоронъуьм нидъуьм,
Уш кумекъуь эри эню Когъодинъуь.

(Хелъер кукъ не озохлуь)

кукъ
Энъуь э фикировоз нубиндъуь озохлуь,
У хуберменъуьме ботъ еадуберлуь,
Фургунъуь хбдер белки үбисди Яралуь,
Бироринъуь эинмен бирори, мон озохлуь.

дугхер! Хунде колдоджоре цере рихундунем,
мерделбой жиндеджорем ле гурдунга
бирор ибуре тус руг гбодун сохеминге
бурор, буга мейет мейом жон озоху.

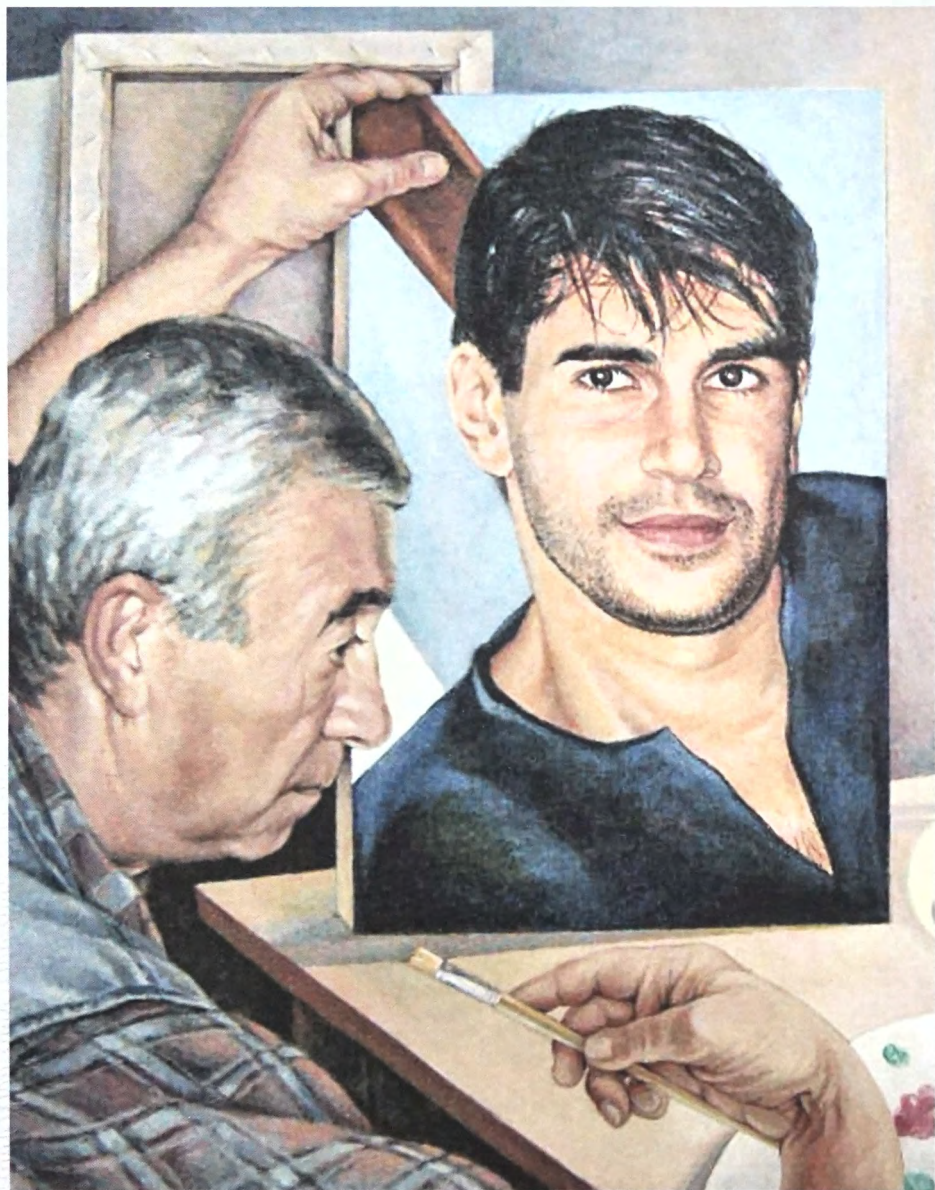
Кук! Уинко аморе гире ниду кор миду,
гирисдере викиге дуг дуниме мор миду
эз церебойнуге эри е корини торе ниду.
вехуеб буга э коринуге, жон озоху.

дугхер! Шаву хов дурем хов дегди,
дие э дугиме кобие негемунги,
и беге руг эриме эгже мунги,
хубрз биедо кемерме, жон озоху.

Кук! Меш гакхезенум и гурине хабери,
сокии сох дунинуге эри жунинуге хенри
гбемей уикерем эри деггво хабери,
корс э нидо берге гирели, жон озоху

дугхер! И гогрбойнуге э дугиме кор мисоху,
эме бадзо фалтур дегейму тус мисоху
эз дуги дегейму бадлей дуги еким нисуху
гогрбойнуге албато дуги, жон озоху.

Автопортрет... Фрагмент

Шалум Шалумов

ЖИВОПИСЬ

Графика

Володный
батик

Тобелен

ШАЛУМОВ ШАЛУМ АВШАЛУМОВИЧ

Родился в 1939 году в Дербенте.

Окончил художественное училище, художественный институт, курсы художественной графики кинематографии. Всё в Москве и всё на «отлично».

Работал художником на предприятиях и в кинотеатре г. Москвы. Занимал административные должности на предприятиях художественной промышленности (в основном по производству ковров ручной работы). Был начальником цеха, главным инженером, директором. Являлся организатором и руководителем Дагестанской Художественной научно-исследовательской лаборатории.

Был участником многих выставок. Впервые – в 1970 г. в Москве на Манеже. Далее – Всесоюзные и Международные выставки в странах народной демократии и в Египте.

Три работы являются собственностью музеев: Московского ХПУ им. Калинина, Дагестанского республиканского художественного музея в г. Махачкала, Всероссийского музея декоративно-прикладного искусства в Москве.

* * *

Итальянский музыкальный фильм 50-х годов прошлого столетия «Прелюдия славы» о талантливом, всемирно известном юном певце поразил моё воображение. Под воздействием голоса и пения этого мальчика я с таким отчаянием сожалел, что не смогу так же, как он, посвятить себя музыке, потому что моя жизнь (как я считал тогда) уже всецело принадлежит живописи. Ею я занимался с детства, и предавать своё призвание не имею права.

«Предал» свою живопись (ведь предал!) я уже позже, когда с 1956 года начал учиться в Московском художественно-промышленном училище им. Калинина.

Как-то на уроках живописи наша преподавательница – сама великолепный живописец, красавица Мария Петровна Базанова уверила нас, что, обучаясь в этом училище, настоящими художниками-станкистами мы никогда не станем, как бы ни старались. Мы здесь можем стать только художниками-прикладниками. Так сказала она, подрезав тем самым под корень наши неокрепшие крылышки.

И я, который до этого видел себя в скором будущем художником никак не ниже Рембранта, поверил ей. И ничего не предпринял, чтобы противостоять. Или в надежде на свой «громадный талант», или из-за природной лени. А, может быть, из-за того, что считал: в Дербенте, куда я по окончании учёбы в 1961 году должен был вернуться к престарелым родителям, достичь больших высот и стать гением кисти и красок невозможно.

И я успокоил себя, занявшись административной работой на предприятиях народных художественных промыслов, которыми так богат наш Дагестан. А рисованием с момента окончания института практически не занимался.

Рисовать я начал уже здесь, в Израиле, правда, иногда с перерывами до полугода и больше. Представленные здесь работы являются плодом моих творческих упражнений за последние 8-9 лет. Хотя о чём теперь можно говорить? Ведь быломu «предательству» нет обратного хода, и не вернёшь назад дарованных судьбой и неблагодарно упущенных возможностей.

Сердце гложет боль, обида -
душу некому открыть.
Хоть прошло уже три года -
как представляю - биору быть.

Ты ушёл, сынок. Так рано, -
По тебе я так тоскую.
И теперь одна отграда
Днём и ночью тебя рисую.

Реквием

Ты помнишь, Антоша,
Как поезд горящий,
На белом листе
Рисовал пацаном?

О подвиге думал,
Мальчишьем бесстрашьем,
Мне кажется, это
Все было лишь сном...

... «Маленькие ножки
Бегут по дорожке».
Детишкам на помощь
«Той» лестницей вниз.

В пути, упав навзничь,
Поднялся – и дальше.
Делился последним,
Был рад всем помочь...

... У меня на руках
Пропищал ты когда-то:
«И папа, и мама,
Я хочу домой!»

Забилось в груди
Моё сердце тревогой,
Твоё сердечко, сыночек,
Счастья надеждой...

... Ты был весь, как в бою
Готовая мина.
И грустными были
Вокруг пацанье.

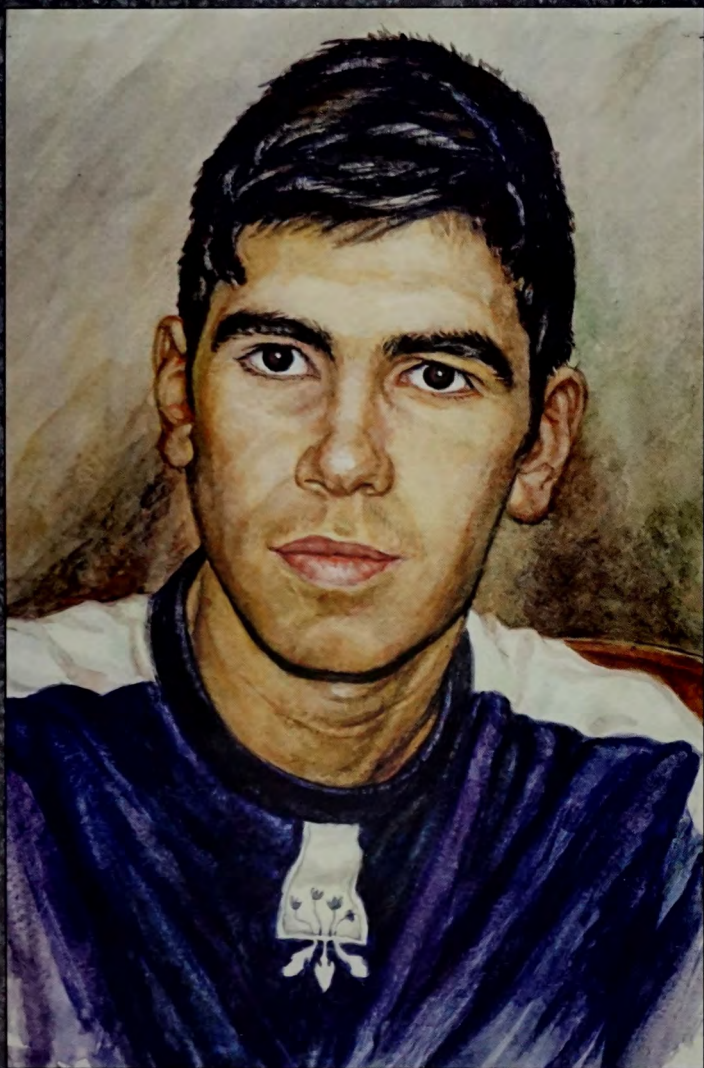
Теперь меня мучает
Эта картина –
Хоть знал и тогда я
Страданье твоё...

... Я помню, Антоша,
Тот поезд горящий.
Ты так и остался
Навзничь на нём.

И в списках когда-то
Без вести пропавших,
И в списках когда-то
Сгоревших живём.

Свеча-аскара

Как дикий цунами
Хлестнула беда.
Ни разу, хотя бы для вида,
Обидеть не мог ты, сынок, никогда,
Хоть знал, что такое обидя.

И если порой не хватало терпения,
Опять же стыдился и ласки.
Но это, наверное, я так воспитал
Тебя, мой сыночек, прекрасный.

Антоша, родной мой, ты был молодым,
А мне бы побольше догадки.
И был я, чего там, неважным отцом,
И нет мне прощенья вовеки.

Ты зла не держал на людей, мой Антон,
Веселый такой и открытый.
Все в прошлом? Но что же все это?
Это, кажется, сон –
И как же мне горько, поверьте.

А теперь в изголовье свеча-аскара,
До скончания дней моих вплоть.
Память сердца она сбережет навсегда.
Где душа твоя, сын мой, страдая, живет?

Ты был солдатом

Ты был солдатом и ходил в разведку,
Хватал гранату даже на лету.
И отводил тем самым ты отважно,
От всех друзей, что рядышком, беду.

Ты был солдатом и не раз встречался,
Лицом к лицу со смертью роковой.
И, словно барс бесстрашный, лихо дрался,
Но возвращался, как всегда, домой.

Ты был солдатом, мальчик мой красивый,
Никто не даст нам в этой жизни бронь.
Не довелось мне, видно, быть счастливым,
Стрелой отравленной и твой отец сражен.

Не знаю

Не знаю, чем я так прогневил Бога,
Зачем надежду он мою не спас.
Из рук того безумно злого «друга»,
Не вырвал сына в утренний тот час.

Он суть моя, надежда и отрада,
Он – раной в сердце, моею болью был.
Ведь, знаешь все, о, Великий Боже,
И все же на алтарь приговорил.

Не так всегда я жил, как надо, может,
Но если надобно кого-то покарать,
То жертвой я, скорее, мог бы стать,
А не мой сыночек в свои двадцать пять.

Не знаю, чем Всевышний недоволен,
Прости, Антон, я очень виноват.
Несу я в сердце сгусток страшной боли,
А твой уход – утрата из утрат.

Твой день рождения

Твой день рождения, помню, как бывало,
Мы отмечали все в кругу гостей.
Их собиралось каждый раз немало,
На этот праздник юности твоей.

Твой день рождения, словно яркий праздник,
Мы отмечали каждый божий год.
И вот теперь я будто бы отказник,
Которого ведут на эшафот.

Мне в жизни этой не было так трудно,
Как в эти годы, что без тебя живу.
Чего скрывать – я траурное судно,
Один куда-то вдаль, без адреса веду.

Твой день рождения снова в дом приходит,
Как мне прожить отныне, не скорбя?
Хоть и силен, и крепок волей, вроде,
Но пуст, сыночек, мир этот без тебя.

Двадцать восемь роз

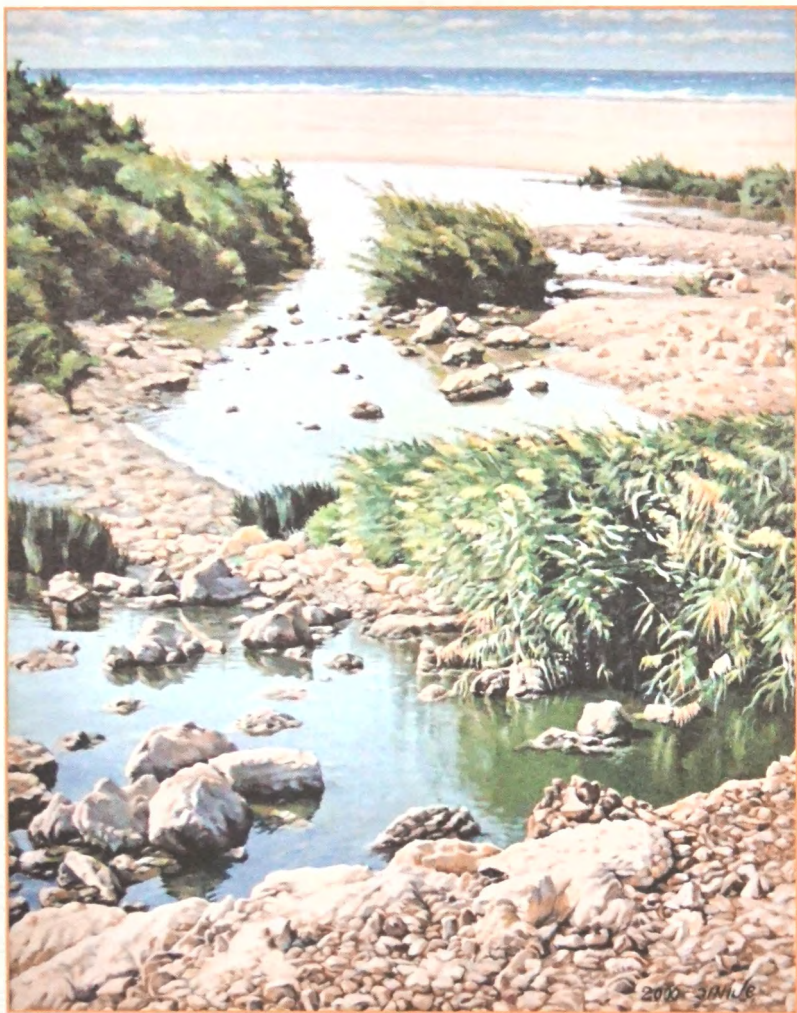
В двадцать восемь лет – двадцать восемь роз,
Я положил на могилку твою.
Они отмеряют рождения годы
И надрывают душу мою.

Двадцать восемь раз – двадцать восемь роз,
И сердце мое среди них.
И глаза тех роз красны от слез,
Невыплаканных моих.

Двадцать восемь роз – двадцать восемь ран,
Терзают нынче меня.
Не застилают память туманом,
И скорбного сердца огня.

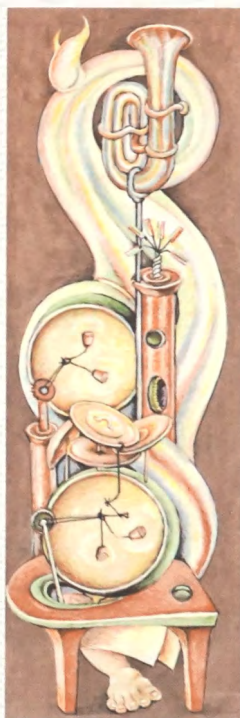

*Перед штормом.
Акрилик, холст, 64х50.
Зихрон Яков, 2000 г.*

ЖИВОПИСЬ

*Девушка в шляпе.
Акварель, гуашь, бумага, 45х35.
Москва-Челюскино, 1967 г.*

*Задумчивая беседа.
Акрилик, темпера, холст, 63х45.
Хадера, 1999 г.*

*Упрямый баран. Темпера, холст, 63х45.
Зихрон Яков, 1999 г.*

*Морские камни. Темпера, картон, 56х40.
Гиват Ольга, 1998 г.*

*Эвкалиптовая роща. Этюд.
Темпера, бумага, 37х25
Хадера, 1997 г.*

*Дорога в Пардесы.Этюд.
Темпера, бумага, 37х25.
Хадера, 1997 г.*

*Нахаль Хадера.
Темпера, картон, 40х50. 1998 г.*

*Ворота Джарги капы.
Акрилик, картон, 63х45.
Хадера, 2001 г.*

Зона отдыха. Темпера, холст, 115х50. Хадера, 1999 г.

Западные ворота цитадели. Акрилик, картон, 63х45. Хадера, 2001 г.

*Приморский пейзаж.
Акрилик, темпера, холст, 63х45. Зихрон Яков, 1999 г.*

*Натюрморт с авокадо.
Акрилик, холст, 60х43. Хадера, 2007 г.*

*Красные рыбки.
Темпера, холст, 95х51
Хадера, 1999 г.*

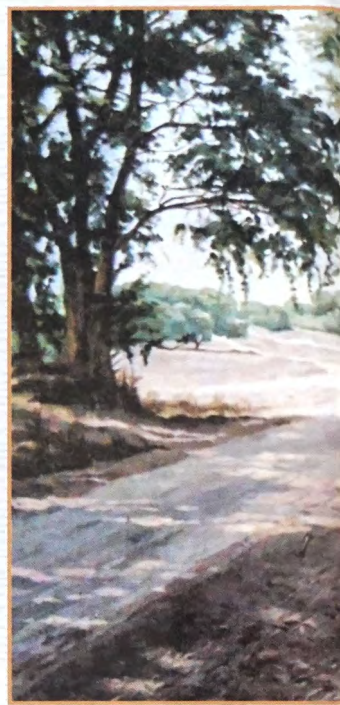
*Лестница, ведущая
в цитадель Нарын Кала.
Акрилик, картон, 63х45. Хадера, 2001 г.*

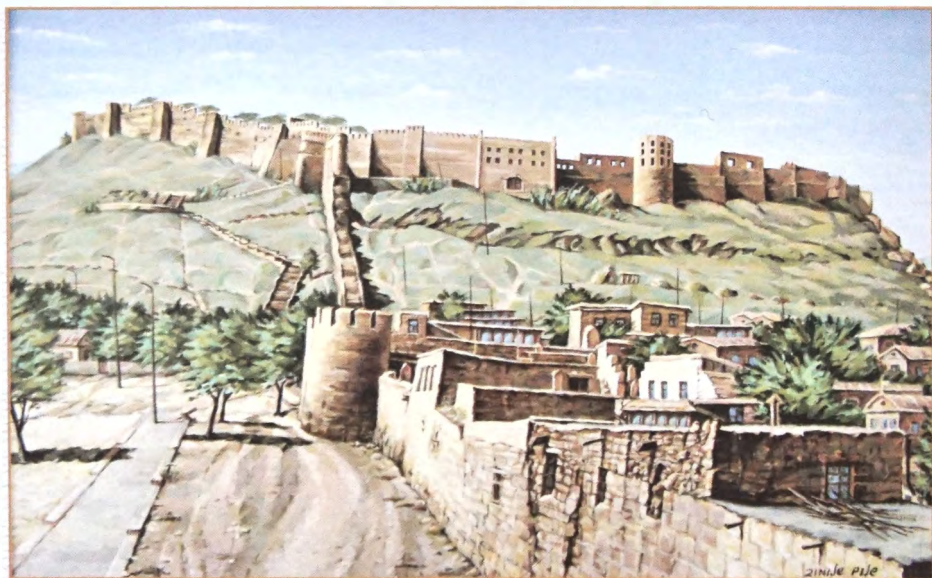

*Пейзаж с белыми бочками.
Акрилик, картон, 35х45. Хадера, 1998 г.*

Цитадель Нарын-Кала. Акрилик, картон, 80х50. Хадера, 2001 г.

Тихий полдень. Акрилик, холст. 101x50. Хадера, 2000 г.

Натюрморт с баклажанами. Темпера, картон, 68x54. Хадера, 1998 г.

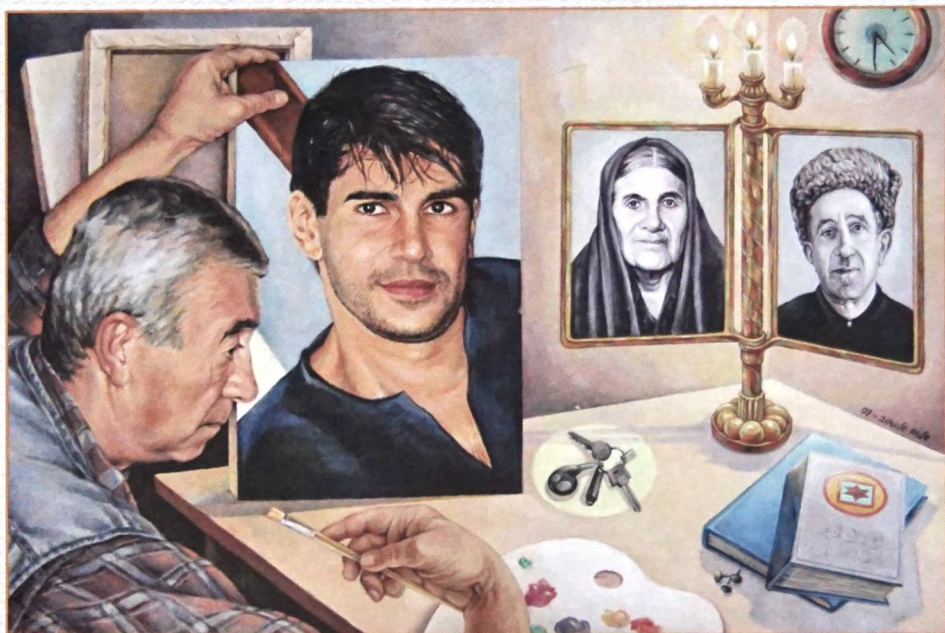

Пруд с рыбками. Акрилик, холст, 96х51. Хадера, 2000 г.

Автопортрет... Акрилик, холст, 90х60. Хадера, 2007 г.

*Аллея славы.
Акрилик, холст, 63х45.
Хадера, 2000 г.*

*Романтика дорог.
Портрет брата Бениягу.
Акрилик, холст, 61х50.
Хадера, 2003 г.*

*Отдых на рыбалке.
Темпера, картон, 50х40.
Михморет. 1998 г.*

Прогулка вдвоем. Темпера, картон, 68х46. Михморет, 1997 г.

*Дорога из Пардес.
Темпера, бумага, 37х25.
Хадера, 1997 г.*

*Амос -майор шабака в Африке.
Акрилик, холст 90х70. Фрагмент
Хадера, 2007 г.*

*Портрет жены Амоса-майора шабака.
Акрилик, холст, 90х60. Фрагмент
Хадера, 2007 г.*

*Невеста.
Акрилик, холст, 36х50.
Хадера, 2000 г.*

Графика

Диптих «Зарождение жизни».
Гуашь, бумага, 21х25. Хадера, 1999г.

Диптих «Зарождение жизни».
Гуашь, бумага, 21х25. Хадера, 1999г.

Триптих «Джаз». Гуашь, картон, 25х33. Хадера, 2003 г.

Триптих «Джаз». Гуась, картон, 36х47. Хадера, 2003 г.

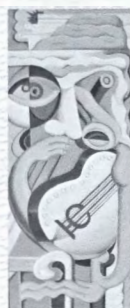
Триптих «Джаз». Гуашь, картон, 25х33. Хадера, 2003 г.

Концерт со свечой. Гуашь, картон, 43x23. Хадера, 2003 г.

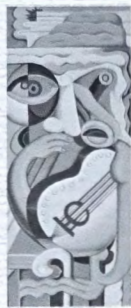

Триптих «Звуки». Гуашь, картон, 25х33. Хадера, 2002 г.

Триптих «Звуки». Гуашь, картон, 17х41. Хадера, 2002 г.

Триптих «Звуки». Гуашь, картон, 25х33. Хадера, 2002 г.

Истоки. Акрилик, холст, 68х78. Хадера, 2003 г.

Механическая музыка. Акрилик, картон, 74х30. Хадера, 2004 г.

Триптих «Метамарфоза». Гуашь, картон, 25х35. Хадера 2003 г.

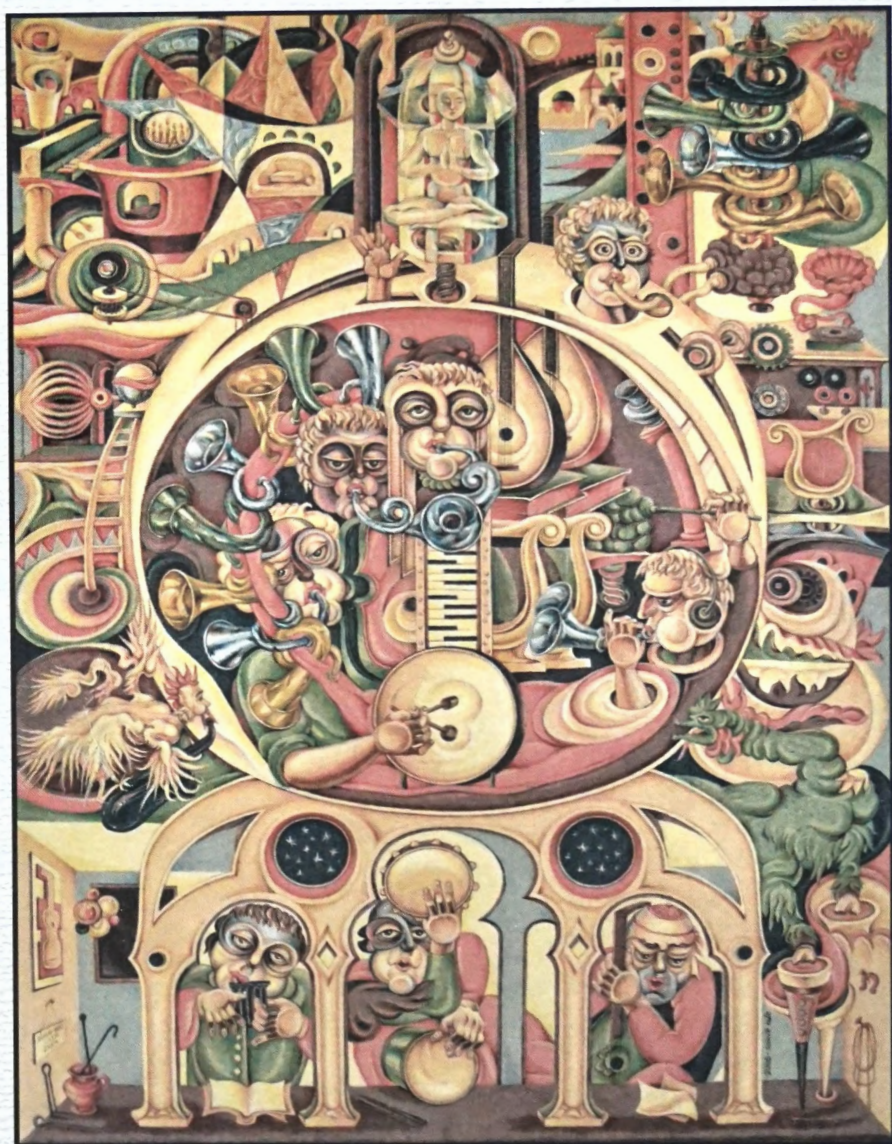
Триптих «Метамарфоза». Гуашь, картон, 25х35. Хадера 2003 г.

Триптих «Метаморфоза». Гуашь, картон, 25х35. Хадера 2003 г.

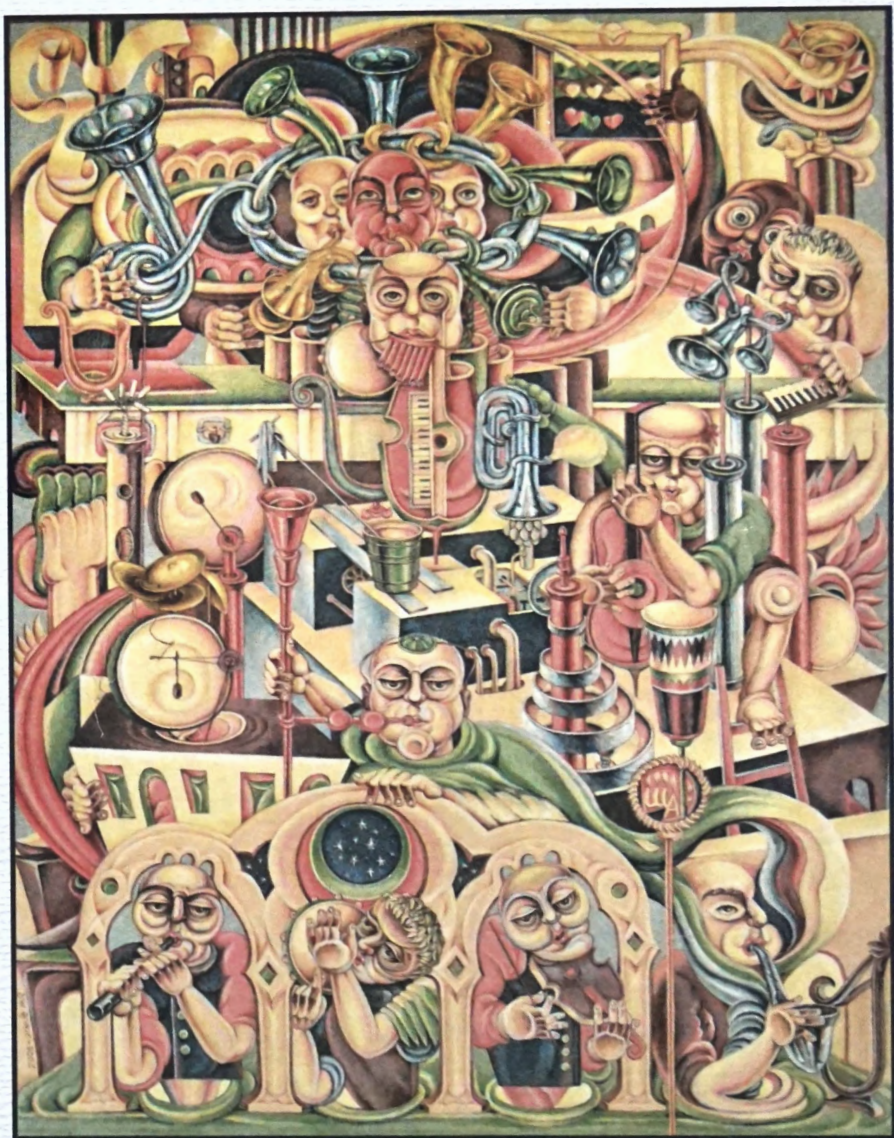
Триптих «Музыкальный фейерверк». Гуашь, акрилик, холст. 90х70. Хадера, 2005 г.

Триптих «Музыкальный фейерверк». Гуашь, акрилик, холст. 90х70. Хадера, 2005 г.

Триптих «Музыкальный фейерверк». Гуашь, акрил, холст. 90х70. Хадера, 2005 г.

Триптих «Музыкальная смесь». Гуашь, акрилик, картон. 39х29. Хадера, 2003 г.

Триптих «Музыкальная смесь». Гуашь, акрил, картон. 39х29. Хадера, 2003 г.

Триптих «Музыкальная смесь». Гуашь, акрил, картон. 39х29. Хадера, 2003 г.

Музыкальная какофония. Акрилик, холст, 90х70. Хадера, 2004 г.

Музыкальный фестиваль. Гуашь, картон, 24х44. Хадера, 2003 г.

Этюд. Акрилик, холст, 100х50 Хадера, 2007 г.

Володны батик

Тобелен

Семейство Тлинкита. Холодный батик, шифон, 56х44. Дербент, 1978 г.

Праздник цветов. Холодный батик, шифон. 116х78. 1978 г.

«Необыкновенный концерт». Батик, холодный шифон, 80x50. 2002 г.

«Празднество шамана». Батик, холодный шифон, 85х55. 2002 г.

«Культовый обряд». Батик, холодный шифон, 80х50. 2002 г.

Московская олимпиада 1980 года. Технический рисунок. Дербент, 1980 г.

Московская олимпиада. Технический рисунок. Дербент, 1980 г.

Московская олимпиада. 95х73. Ворсовый ковер-шерсть. Дербент, 1980 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	7
Легендарный Мардахай Овшолум Сибири (Сибирский) 1860-1925	17
Стихи-песни Мардахая Овшолума. Записал Даниил АТНИЛОВ. Перевел Ш.Шалумов	53
Стихи-песни, эпитафии, хвалы Мардахая Овшолума. Записал Амалдан КУКУЛИЕВ. Перевел Ш.Шалумов	67
Стихи-песни Мардахая Овшолума. Записал Борис ГАВРИЛОВ. Перевел Ш.Шалумов	89
Стихи-песни Мардахая Овшолума. Записал Семен ЮСУФОВ. Перевел Ш.Шалумов	109
Шалум Авшалумович ШАЛУМОВ. Биографическая справка.....	152
Портретная живопись и стихи о сыне - Антоне ШАЛУМОВЕ.....	154
Живопись.....	168
Графика.....	183
Холодный батик, гобелен	205

Литературно-художественное издание

Шалумов Шалум Авшалумович

**ЛЕГЕНДАРНЫЙ МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ СИБИРИ
(СИБИРСКИЙ)
1860-1925**

Стихи, песни, хвалы, эпитафии

Редактор – М. Козакова

Художник – Ш. Шалумов

Дизайн и компьютерная вёрстка – Э. Алиев

Общая редакция издания – издательский дом «Мирвори»

Руководитель издательского проекта - Й. Мишиев

Подписано к печати 05.01.2009

Формат: 70 x 100 1/16

Гарнитура Times

Усл. печ. листов 16,84

Издательский дом «Мирвори»

Адрес редакции: Израиль, Нетания, ул. Бренер 10

Адрес для писем: Israel, 42441, Netanya, P.O.B. 359

По вопросам приобретения и заказов обращаться по тел.:

в Израиле – 09-8840855, 09-8870811, 054-7766822,

международные – 972-9-8840855, 972-54-7766822

E-mail: mirvori@mail.ru

Издательский дом «МИРВОРИ»

**Издание книг, брошюр, буклетов,
каталогов, календарей.
Компьютерный набор,
корректура, редактирование,
Художественный дизайн и графика
Консультации по всем вопросам
книгоиздания**

Мы пройдем с вами весь путь
от рукописи до выхода книги из типографии

«МИРВОРИ» - ВАША КНИГА В НАДЕЖНЫХ РУКАХ!

Адрес редакции: Нетания, ул.Бренер 10.
Адрес для писем: P.O.B. 359, Netanya, 42441
Телефоны: 09-8840855, 09-8870811, 054-7766822
Электронная почта: mirvori@mail.ru

Шалум
Шалумов

Живопись
Графика
Холодный батик
Гобелен